

Жаклин Уилсон (Jacqueline Wilson)
ДВОЙНЯШКИ (DOUBLE ACT)
Перевод с английского И. Шишковой

Глава первая

М

Мы похожи как две капли воды, и мало кто умеет нас различать. Ну конечно, пока не раскроем рот — меня не остановишь, а Гарнет больше помалкивает.

Потому что мне никто слова не даёт сказать.

Мы одного роста и веса. Я прожорливее Гарнет. Люблю конфеты и солёности. Как-то за день съела тринадцать пакетиков картофельных чипсов с уксусным ароматом.

В картошке-фри тоже обожаю соль и уксус. Это моя слабость. Хрум-хрум, ням-ням — только её и видели. Потом, правда, приходится просить у Гарнет. Она не против.

Я бы этого не сказала!

Я не толстею, потому что больше двигаюсь. Терпеть не могу сидеть на одном месте.

Гарнет, ссутулившись, часами может читать книжку, а мне неймётся, и я сразу начинаю ёрзать.

Вообще-то мы обе хорошо бегаем. На последних школьных соревнованиях обогнали всех, даже мальчишек, и пришли к финишу первыми. Ну, откровенно говоря, сначала прибежала я, а за мной — Гарнет. Ничего удивительного — всё-таки я старшая!

Нам по десять лет. Я была активным младенцем и первой появилась на свет. Гарнет вылезла вслед за мной.

Мы живём с папой и бабушкой.

За завтраком папа нас плохо различает, потому что никак не может проснуться — у него глаза не открываются. Он торопливо выпивает кофе, быстро одевается и пулей вылетает из дома, чтобы не опоздать на поезд. Папа ненавидит свою работу в лондонском офисе и возвращается домой измочаленным. К тому времени ему уже удаётся нас различить — вечером оно легче.

У меня из косичек выбиваются непослушные пряди, а на майке появляются пятна. Гарнет же всегда остаётся чистой, как стёклышко или как новая булабочка.

Так говорит наша бабушка — у неё к кофте приколото множество булавок. Если хочешь пообниматься, будь осторожней! Иногда булавки торчат у бабушки даже изо рта — привычка осталась с тех времён, когда она была портнихой и работала в модном бутике — дни напролёт шила, примётывала и заглаживала складки. А потом, после...

В общем, бабушке пришлось с нами сидеть, поэтому она стала брать заказы для частных клиентов на дом. Главным образом к ней приходили очень полные дамы, которые мечтали одеваться по последней моде. Мы с Гарнет покатывались со смеху, наблюдая, как в ожидании примерки они стоят в нижнем белье.

Бабушка и нас обшивала. Ужас, да и только! Мало того, что она отстала от жизни и заставляла носить косички, — над нашими платьями потешалась вся школа, хотя некоторые мамы умилялись и говорили, что мы точно с картинки.

Скучно носить платья с оборками летом и уродливые юбки-гофре зимой. Бабушка не только шила для нас, но и вязала — кусачие ангорские безрукавки и в тон к ним тёплые свитера и кофты. Короче говоря, комплекты-двойки для двойняшек. Можете себе представить, как подурачки смотрелись несчастные двойняшки в этих двойках!

Потом у бабушки обострился артрит. Вечно её донимали суставы, щемило бедро или ныло колено. Вскоре здоровье стало совсем никуда, и, когда приходилось садиться или подниматься, бабушка морщилась от боли. Распухшие пальцы не слушались, и работать было всё труднее.

Сейчас бабушка уже не может шить. Очень жаль, потому что она любила свою профессию. Но мы от этого только ВЫИГРАЛИ — теперь мы вынуждены носить готовую одежду.

Бабушке тяжело ездить на автобусе в город, и мы сами выбираем себе обновки.

Ну, в общем... Руби выбирает.

Мне поручают покупать одежду для нас обеих: майки, колготки, джинсы... Конечно, одинаковые! Нам по-прежнему нравится, что мы двойняшки, но кому же не хочется нормально выглядеть?!

По-моему, наша семья не похожа на обычные семьи, о которых пишут в книжках. Мы очень много читаем, а папа — больше всех. Он покупает книги на распродажах, аукционах и в букинистических магазинах — не только новые, но и старые, пыльные тома. В огромном количестве! Ставить их некуда. Полки ломаются. Даже пола нам не хватает. В каждой комнате — горы книг. Их нужно очень аккуратно, зигзагом, обходить, а то начнётся книготрясение. Если вас угораздило попасть под лавину из пятидесяти, а то и ста томов в твёрдых переплётках — в следующий раз вы любой ценой постараетесь этого избежать. На втором этаже тоже полно коробок с книгами, которые папа ещё не прочитал. Иногда, чтобы добраться до такого жизненно важного места, как, например, туалет, приходится через них переползать.

Бабушка вечно стонет, что половицы не выдержат тяжести. Они и в самом деле поскрипывают. Папа испуганно с ней соглашается — глупо держать дома тонны книг — и иногда, когда наличных денег не хватает, погружает несколько коробок в нашу старую машину и везёт в букинистический магазин, где почти всегда их сбывает, но взамен обязательно покупает кипу новых по низкой цене. Ему трудно устоять — слишком велик соблазн...

Бабушка снова на него нападает. Папа расстраивается, но, когда он привозит ей с блошиного рынка огромный мешок любовных историй, по которым снимают популярные сериалы, бабушка сменяет гнев на милость. Она обожает сидеть в своём любимом кресле, обложившись кучей подушек и подставив под маленькие ножки скамеечку. Рядом всегда лежит коробка шоколадных конфет, а на коленях — увлекательный любовный роман. Иногда в бабушкиных книгах много говорится о сексе, и, если мы с Гарнет пытаемся читать, стоя у неё за спиной, она нас прогоняет — не дай бог наткнёмся на то, что нам ещё рано знать. Ха-ха! Мы уже давным-давно в курсе!

Папа читает большие, толстые книги, но не современную литературу, а классику: Чарльза Диккенса и Томаса Харди. Если мы туда заглядываем, то не понимаем, что он в них нашёл, но папе нравится. Он обожает старинные приключенческие романы для мальчиков, в которых персонажи ходят в коротких штанах и твердят, как дураки: "Послушай, старина! Первоклассно! Превосходно!"

Гарнет тоже любит старые книжки: "Маленьких женщин", "Что делала Кейти" и все произведения Э. Несбит. Она готова без конца перечитывать повести про двойняшек:

"Близнецы в школе Сент-Клер" и "Близнецы из чудесной долины". Я тоже их читала — подумаешь, невидаль! Гораздо больше мне нравятся правдивые истории о бурной жизни знаменитостей, актёров и актрис. Пропускаю нудную галиматью и запоминаю самое интересное: как они работают на телевидении, снимаются в фильмах... их фотографии мелькают во всех газетах... До чего же здорово быть популярным!

Когда-нибудь мы обязательно прославимся. Можете в этом не сомневаться! Я уже начала писать историю нашей жизни. Странно, обычно Гарнет любит сочинять, и почерку неё гораздо лучше. Поэтому я часто заставляю её делать вместо себя уроки. Она не возражает. Неправда!

Как-то раз я рылась в одной коробке на чердаке и на самом её дне нашла чудную книгу в кожаном переплёте — бордовую, с рубиновым отливом... Толстую-претолстую! На ней красовалось название, написанное золотыми буквами: РАСХОДЫ. Я думала, это заглавие, но когда её открыла, увидела чистые страницы.

Поинтересовалась у папы, куда исчезло содержание, и он объяснил, что это вовсе не обычная книга, а бухгалтерская — в неё вы записываете всё, что купили, то есть отчитываетесь о расходах.

— Только вот я с бухгалтерией не в ладах. Когда много трачу, сразу начинает мучить совесть, — говорит папа. — В общем, двойняшки, можете взять книгу себе и что-нибудь в неё записывать!

Вот я и пишу.

А я нет.

Нет, пишешь — я тебе всё время даю пописать, когда подходит очередь. И пишу не только о себе — я пишу о нас! Короче, отчитываюсь за нас обеих. Эй, Гарнет, возьми-ка словарь и посмотри слово "отчёт".

Отчёт — письменный или устный доклад, описание, пересказ какого-либо события, случая и т. д.

В эту минуту в нашей жизни не происходит ничего особенного, но, может быть, скоро нам улыбнётся удача, исполнятся мечты, и мы станем актрисами.

Не хочу быть актрисой!

Хватит ныть, Гарнет! Ну конечно, хочешь! (Иногда Гарнет вдруг начинает прибедняться — не верит, что из нас выйдут знаменитые кинозвёзды, но я ей постоянно внушаю: единственное, чего нам не хватает, — это УВЕРЕННОСТИ В СЕБЕ. Она продолжает канючить, что не желает быть кинозвездой. Тоже мне комплексы! Ни за что не поверю! Кому придёт в голову страдать от ежедневных променадов перед камерами и шикарных вечеринок со звёздными друзьями?!)

Поселимся в роскошном высотном доме — в каждой комнате будет полно цветов, горы коробок с шоколадными конфетами, ешь — не хочу! Нарядимся в рубиново-красные парчовые платья, подберём украшения с рубинами — ладно, ладно, Гарнет, можешь нацепить гранаты, только, конечно, они не такие дорогие, драгоценные и сверкающие, как рубины, да?

Ты не это хотела сказать?

Ну, а что тогда? Ладно, пиши — твоя очередь. Пожалуйста! Ну же, не тяни кота за хвост! Можешь рассказать о себе!

Не знаю, что писать.

Не привыкла рассуждать о себе. Всегда только о нас, хотя обожаю сочинять. Я немножко рассердилась на Руби, когда она нашла эту красивую книгу и начала в ней царапать разную ерунду. Думала, будем писать в ней пьесы, потому что с раннего детства любим выдумывать игры. Притворяемся разными персонажами и сочиняем истории — сами в них верим и потому путаем вымысел с действительностью. Я и сейчас ими живу, но Руби лодырничает и не хочет со мной играть. Она не любит репетировать, ей больше нравится придумывать новые сюжеты. До неё не доходит, что сочинительство — тяжкий труд. Если будешь постоянно придумывать новое, скоро забудешь старое. Я хочу всё аккуратно переписать, чтобы сохранить.

Обожаю сочинять пьесы, а потом их разыгрывать, особенно когда мы вдвоём с Руби: никто нам не мешает, и мы представляем, что это было на самом деле, но играть на настоящей сцене — это не по мне.

Ещё в начальной школе, на рождественском утреннике, мы с Руби были овечками-двойняшками, и мне до сих пор страшно об этом вспомнить — самый ужасный день в моей жизни...

Нет, конечно, не самый плохой.

Самый плохой был, когда...

Эй, не пиши о грустном! Я тебе не разрешаю! Это снова я, Руби. Гарнет только что рассердилась и ушла, потому что я случайно её чуть-чуть поцарапала, когда вырывала ручку. Ведь по-хорошему её попросила! И теперь моя очередь. Близнецы обязаны уступать друг другу.

Она написала чепуху. К чему записывать пьесы в книгу? Их нужно ставить. И Гарнет обязательно должна пойти в актрисы, потому что мы всегда об этом мечтали. А на пути к успеху можно сняться в рекламе и телевизионных играх. Двойняшки — ведущие! Вы когда-нибудь слышали о таком?!

Гарнет не должна отказываться от славы из-за одного неудачного выступления в роли овцы, когда мы были маленькими.

В тот день она сильно перенервничала и случайно описалась. Прямо на сцене, перед всеми! Подумаешь! Кому какое дело?! Не понимаю, почему её всегда кидает в жар, если я об этом заговариваю? Наоборот, ей по роли было положено, потому что в жизни настоящие овцы именно так и поступают. Не жмутся, не терпят в овчарне, скрестив задние ноги, а откликаются на зов природы. И Гарнет последовала их примеру. Все решили, что это очень смешно. Только сестре было не до смеха.

Пора идти. Чую запах воскресного обеда. Ростбиф, запечённый с клёцками! Не обуза для моего толстого пуза!

Руби! Противный поросёнок! Рассказала про мой конфуз с овцой!

Слушай, ты первая начала! Сама про него вспомнила!

Да, но я не сказала, что было на самом деле! Это одно из моих тайных, неприятных и унижительных воспоминаний, а ты рассказала, Руби!

Не рассказала — написала, и эта бухгалтерская книга предназначена не для чужих глаз, а только для нас. Можем писать в ней что угодно. Все наши секреты!

Да, но о своих секретах ты почему-то помалкиваешь! Только о моём написала!

Ладно, хватит волноваться из-за пустяков! Пойдём лучше поедем! Умираю с голоду!

Бабушка расстроена, потому что папа до сих пор не вернулся с блошиного рынка. Она держит его обед в духовке, чтобы он не остыл. Все клёцки расползлись и размокли.

Как одна глупая двойняшка. Пошли! Бабушка зовёт.

Папа давным-давно должен был вернуться.

ним ничего не случилось?

Конечно, нет! Вечно ты волнуешься понапрасну! Просто он наверняка скупил целый магазин и теперь пытается засунуть книги в машину. Ты же его прекрасно знаешь!

Да, но обычно папа не задерживается допоздна. И он любит бабушкины воскресные обеды.

Что, если он попал в аварию?

Ах, Гарнет, замолчи! Идём, идём, бабушка!

Глава вторая

М

Не хочу продолжать! Хочу остановиться! Нет, лучше вернуться назад. К тому дню, а может быть, раньше, когда папа поздно пришёл домой с блошиного рынка. К тем счастливым временам, когда двойняшки жили-поживали с папой и бабушкой. Назад, к тем ужасным дням, когда умерла наша мама и...

ПЕРЕСТАНЬ! ХВАТИТ! НЕ НАДО!

Нет, Руби! Мы уже не в силах остановиться. Нам нужно вспомнить. Ты что, не понимаешь? Мы должны и папу заставить вспомнить. Тогда он бросит Розу.

Ну ладно, рассказывай! Только побыстрее! Расскажи про маму, но только будто это выдуманная история, чтобы не было очень больно.

Жил-был юноша по имени Ричард, который влюбился в прекрасную девушку. Её звали Опал. Опалы — красивые камни. Они сверкают и переливаются разными цветами. Некоторые считают, что они приносят несчастье. Девушка Опал была прехорошенькой и сияла своей красотой, и Ричард понимал, что ему необыкновенно повезло, повезло, повезло, что он её встретил.

Ричард любил Опал, и иногда в шутку называл её ОХ-Я-ПРОПАЛ, потому что восхищался и её красотой, и умом, а кроме того, она была ему настоящим другом. Он подарил ей перстень с опалом.

А где он сейчас? Помнишь, как мы любили его примерять? Я его уже сто лет не видела. Ох, нет! Ах, Гарнет! Неужели ты думаешь, что папа подарит его Розе?

Нет, конечно, нет! Бабушка надёжно спрятала перстень в своей шкатулке с украшениями и говорит, что отдаст его нам, когда мы вырастем.

А кому из нас? Скорей всего, мне, учитывая разницу в возрасте. Но иногда я буду давать его тебе поносить, если, конечно, обещаешь не потерять.

Ты забыла, что из нас двоих я самая собранная! Послушай, ты меня перебила!

Продолжай. Ты остановилась на перстне. Итак, папа подарил маме...

Ричард подарил Опал красивый перстень с молочно-белым опалом в розовых, голубых, зелёных и фиолетовых крапинках, которые чудесно переливались, когда на них попадал солнечный луч.

У них была своя квартира.

Они поженились.

И у них родились дочки-двойняшки.

А кто из нас кто? Я младенец на руках у мамы.

Нет, это я. А тебя держит папа. Я нас нарисовала — мне лучше знать.

А вот и нет! Малышка на руках у мамы крупнее — сама посмотри! А я и была больше. Мы обе это знаем. Малышку зовут Руби. Это я!

Какое это имеет значение? Ладно, пусть мама держит тебя.

Давно бы так! Мама, конечно, и тебя взяла на руки. Сначала меня, потом тебя. А потом я перекочевала к папе, а потом...

А потом мы подросли, стали всюду топтать, и у же не нужно было брать нас на руки. Хотя мама любила нас приласкать. Мы обе сидели у неё на коленях. Я помню.

Ты вспоминаешь ту фотографию. А давай вставим её в нашу книгу!

Это не просто фотография. Я помню. Мама уже была слабой, но в её нежных объятиях мы чувствовали себя защищёнными. Запах цветочных духов... Нас щекочут её кудрявые волосы... И она сама любила нас пощекотать. Помнишь? Мама играла с нами в игру "Маленькая свинка отправилась на рынок" и потом щекотала, а мы корчились от смеха. Помнишь, Руби?

(Она притихла — не любит вспоминать, потому что расстраивается, а она не умеет быть несчастной. Руби никогда не плачет. По этому признаку нас легко различить. Если кто-то из нас покраснел и вот-вот расплачется — это точно я.

Наверное, я чуть-чуть поплачу, когда допишу этот абзац. Ну, продолжим нашу историю. Закончим её побыстрее...)

Близнецы пошли в школу, а Опал и Ричард — на работу. По выходным они ходили в бассейн и в магазин и проводили уйму времени на морском побережье. В общем, жили как обычная дружная семья. Но потом всё изменилось, хорошие и счастливые события улетучились из нашей жизни.

Опал немножко приболела, и ей пришлось лечь в больницу. Вернувшись домой, она снова какое-то время чувствовала себя нормально, а потом снова заболела, и у же не могла больше работать, и лежала в гостиной на диване. Бабушке приходилось забирать близнецов из школы. Ричард перестал работать и ухаживал за Опал. Но ей не становилось лучше. Она умерла, и семья развалилась.

Ну вот, я дописала. Ты хочешь почитать, что получилось, Руби? Нет, не хочет. Это случилось три года назад, когда нам было семь лет. Сейчас нам десять лет, и жизнь вошла в свою колею. Мы никогда не сможем быть той, прежней семьёй, но сейчас у нас есть новая семья.

С нами живёт бабушка. Конечно, она не заменит нам маму — никто не сможет её заменить. НИКТО! ВООБЩЕ НИКТО! ОСОБЕННО ЭТА ГЛУПАЯ РОЗА-ЗАНОЗА В ЗАВИТУШКАХ! Это Роза.

Нет, ЭТО Роза.

Да, это Роза, только настоящая Роза ещё хуже. И что папа в ней нашёл? Одному ему она и нравится! Бабушка её вообще не любит.

Видели бы вы её лицо, когда в то воскресенье папа явился с Розой! Мы все на неё уставились, и папа понёс околесицу — как она ему помогла, когда у сумки с книгами оторвалась ручка... Потом, как нарочно, её машина не завелась, и папе пришлось её подвезти, и по дороге домой они остановились около бара, чтобы выпить кофе со взбитыми сливками, и она хотела съесть на обед сэндвич, а папа сказал, что дома его ждёт чудесный ростбиф, а она заохала и заохала — сто лет не готовила себе ничего вкусного в воскресенье, и... угадайте, что было дальше. Правильно, он привёз её домой, чтобы она пообедала вместе с нами.

— Никаких проблем, да, бабуля? — спросил папа.

— Конечно, нет. Пожалуйста, проходите, садитесь, Роза. Еды полно. К сожалению, говядина немного пересушилась, и сегодня я не могу похвастаться своими клёцками. Они были восхитительными, так и таяли во рту, но...

— Но я подкараулила вашего зятя, поймала его, продержала в городе и испортила вам обед, — со смехом сказала Роза. — Простите, пожалуйста! — извинилась она, хотя по выражению её лица было видно, что ей ни капельки не стыдно.

Бабушке пришлось, стиснув зубы, улыбнуться, точно ей и вправду стало смешно.

Но мы-то не улыбнулись, да, Гарнет?

Роза не поняла намёка и как ни в чём не бывало трещала о телевизионных программах, поп-дисках и т. п., точно была знакома с нами сто лет. И всё время пыталась разобраться, кто есть кто.

— Так, ты Гарнет, да? — спросила она меня. — А ты — Руби? — обратилась она к Гарнет.

— Да, — сказали мы в один голос. — Правильно!

— А вот и нет! — залился искусственным смехом папа. — Это Руби, а это — Гарнет.

Плутовки! Даже мы с бабушкой их иногда путаем.

— Не говори за других! — рассердилась бабушка. — Простите, что говядина получилась сухой, хотя ещё каких-нибудь полтора часа назад она была в самом соку. Ну, ничего не поделаешь. На десерт могу предложить яблочный пирог с мороженым. Девочки, помогите мне убрать посуду!

Мы отправились вместе с бабушкой на кухню, а когда вернулись с десертными тарелками, поменялись с Гарнет местами — я села на её стул, а она — на мой. Роза продолжала трещать без умолку и путать нас, называя меня Гарнет, а сестру — Руби.

— Ну, кажется, у меня начинает получаться, — сказала она. — Ты Руби, а ты — Гарнет. Да, правильно.

— Не совсем, — сказал папа и фальшиво расхохотался «хо-хо-хо», точно над удачной шуткой. — Прекратите дразнить Розу, двойняшки! Кажется, они поменялись местами. Это их коронный номер. Я бы называл их двойняшками, и точка, Роза.

— А по-моему, это ужасно! Я бы не потерпела такого отношения, если бы была одной из них.

Ну, конечно, только в самом страшном сне могут присниться противные двойняшки по имени Роза!

— Вы разные, хоть и близнецы, правда, Гарнет и Руби? Или Руби и Гарнет? Как хотите! Кажется, я вконец запуталась!

— Мы любим, когда нас называют двойняшками. В школе нас тоже так зовут, — сказала Гарнет.

— Мы двойняшки, — подтвердила я.

— И нам нравится... — сказала Гарнет.

— Когда нас называют... — подхватила я.

— Двойняшками! — хором произнесли мы.

Роза подняла одну бровь и слегка кивнула:

— Хорошо, да будет так! Поняла!

Она перестала с нами заигрывать и переключилась на бабушку, но бабушка оставалась сухой и неприступной, как пересушенная говядина, и отвечала односложно. Поэтому папе пришлось взять беседу за столом на себя и рассказывать глупые анекдоты, корчить физиономии и говорить о разных пустяках.

Он был не похож на прежнего папу.

Точно поменялся местами с папой-близнецом. Даже когда Роза наконец убралась, он не превратился в нашего папу.

— Ну, как она вам понравилась? — с надеждой спросил он.

Я взглянула на Гарнет. Гарнет — на меня. Я приподняла одну бровь. Гарнет сделала то же самое. Потом мы обе притворились, что нас сейчас стошнит.

— Ладно, ладно, хватит. Вы ещё не накривлялись?! — сердито сказал папа.

— Да, не будьте грубыми, Гарнет и Руби, — вставила бабушка, но у неё получилось совсем не сердито.

— Тебе понравилась Роза, бабуля? — спросил папа.

— Ну, довольно приятная, хотя и боевая. Надо же — сама напросилась на обед.

— Нет, это я её пригласил. Вот уж не мог предположить, что ты из этого сделаешь проблему. Разве не ты говорила, что хочешь, чтобы я чаще выходил из дома, приводил кого-нибудь в гости, не жил одним прошлым...

— Да, дорогой, и я по-прежнему этого хочу и только рада, что ты приводишь гостей, хотя мог бы позвонить и предупредить меня заранее. С такими женщинами нужно быть поосторожней!

— Что ты этим хочешь сказать?! — рассердился папа.

— Послушай, Ричард, не заводись! — остановила его бабушка, словно он был одного возраста с нами. — Просто она, похоже, хочет тебя захомутать — ни разу в жизни тебя не видела, а ведёт себя как член семьи.

— Я уже несколько месяцев знаком с Розой, если хочешь знать, — сказал папа. — В пассаже у неё собственный киоск — она торгует антиквариатом. Мы вечно натываемся друг на друга на блошиных рынках. Мне всегда хотелось узнать её получше — она умеет дружить, полна жизни, тепла... Не понимаю, как ты можешь неуважительно говорить о ней. Роза чудесная девушка.

— Девушка! — воскликнула бабушка. — Да ей давно за тридцать!

— Так же как и мне! И мне давно пора начать жить своей жизнью!

Он выскочил из дома, хлопнув дверью. Когда он ушёл, наступила мёртвая тишина. Гарнет схватила мою руку и крепко сжала. Она чуть не плакала. Похоже, бабушка тоже с трудом сдерживала слёзы.

Мы были в шоке. Никогда до этого ссор в нашей семье не было.

Во всём виновата Роза.

Да, это она во всём виновата. Из-за неё наступили перемены. Теперь она приходит каждое воскресенье. Иногда и в будни к нам заглядывает. По вечерам папа с ней куда-нибудь ходит, и, перед тем как расстаться, они ЦЕЛУЮТСЯ в его машине.

Глава третья

Т

ерпеть не могу перемены в жизни. Хочу, чтобы дни были похожи один на другой. Я всегда была такой, ещё когда мама была жива.

Помню, с каким трудом выдержала первый день в школе.

Все на нас уставились, потому что мы были другими. И день был другой. Мы не могли играть в свои игры и говорить на понятном нам одним языке. Я почувствовала, что мы больше не двойняшки, потому что учительница посадила нас в разных концах класса. Для того, сказала она, чтобы научиться нас поскорее различать.

Мне показалось, нас разорвали пополам. Я не чувствовала себя полноценным человеком. Точно я стала половинкой, а мои рука, нога и голова прилепились к Руби, которая была на другом конце класса. Я даже думать без неё не могла.

доминантный

Тебе тоже не понравилось, что нас разделили, Руби. Ты не плакала...

Зато ты разревелась...

А ты расшалилась, и нас отправили к директору, и она спросила:

— Почему ты грустишь, Гарнет? А ты почему шалишь, Руби?

И мы ответили:

— Мы хотим сидеть вместе.

И она спросила:

— И это всё? Нет ничего проще!

И была права. Нас посадили вместе, и я больше не плакала, а Руби не хулиганила. Ну конечно, не без этого, но гораздо меньше.

Но привыкнуть к школе оказалось непросто. Сейчас всё встало на свои места. Нас приняли — больше не пялятся и называют двойняшками. Именно этого нам и хотелось. В каждом классе мы сидим вместе. Мы всё делаем на пару. Сидим вместе за обедом, даже в туалет бежим в одно и то же время.

Хорошо учимся, иногда выходим в классе на первое место, особенно когда сочиняем рассказы или работаем над одним заданием.

Но больше всего нам нравятся уроки по актёрскому мастерству. Мы потрясающе талантливы! Ну, это скорее обо мне. Гарнет краснеет и путает слова.

Хватит, Руби!

Так ведь это же правда! Если бы ты не была такой робкой, у тебя всё чудесно бы получалось! Не понимаю, в кого ты такая... Вот я ничего не боюсь!

Послушай, я хотела написать...

Ты уже пишешь целую вечность и бормочешь про то, какими мы были в начальной школе. Кого интересуют воспоминания детства? Пиши о том, что происходит сейчас. Не забудь рассказать о неприятностях — ничего не пропусти!

Ну, давай ручку.

Скажи «пожалуйста»! Эй! Отстань!

— Вы что, девочки, ссоритесь?

Это бабушка. Она видела, как мы вырываем друг у друга ручку.

Она

— Ах, бабушка, я не хочу уезжать! — вздохнула я, забравшись к ней на колени.

— Смотри, не задень мне бедро и колено! Руби, ты ужасно тяжёлая! Ну-ка, брысь! — сказала бабушка, тем не менее крепко прижав меня к себе.

А можно мне тоже к вам?

спросила я.

Я села на подлокотник кресла, чтобы с другой стороны не задеть бабушкино бедро и колено, но она притянула меня прямо к себе на колени.

Мы крепко прижались друг к другу. Я заплакала.

— Прекрати, Гарнет!

сказала Руби и больно меня ущипнула.

Она сама с трудом сдерживалась и сидела с перекошенным лицом. Руби боялась, что расплечется из-за меня, хотя она никогда не плачет. Бабушкины глаза тоже наполнились слезами.

— Ах ты господи!

всхлипнула она.

Бабушка погладила нас своими бедными руками. Пальцы из-за артрита её не слушались. Она поискала в рукаве носовой платок и вытерла мне и себе лицо. А потом притворилась, будто хочет высморкать Руби нос.

— Давайте-ка закроем кран. Не хочу, чтобы в моём кресле разлилась лужа.

— Ах, бабушка! Пожалуйста, ну пожалуйста, поедем с нами!

взмолилась сестра.

— Не бреди душу, Руби! Ты же знаешь, всё у же решено, и пути назад нет.

— Но мы будем очень по тебе скучать,

сказала я, зарываясь носом в её шерстяную кофту.

— И мне будет не хватать вас обеих, мои девочки! Вы будете меня навещать и спать валетом в своих мешках, и я, если буду жива, приеду на Рождество посмотреть, как вы устроились на новом месте.

Не говори «если»! Ты обязательно должна приехать!

— Посмотрим. Вдруг всё это окажется ни к чему? Она понятия не имеет, что значит вкусно готовить. Вполне вероятно, и индейку покупать не станет.

— Тогда почему бы нам всем не приехать к тебе на Рождество? Ты приготовишь праздничный обед — клюквенный соус, маленькие сосиски, начинку из каштанов... Ням-ням! размечталась Руби.

— В моей новой квартире очень маленькая духовка — в ней и цыплёнок едва поместится, сказала бабушка.

Прости, родная, рождественского ужина больше не будет.

— Не будет больше запечённой картошки с вкусной корочкой, и рождественского торта с маленькими серебряными оберегами, и красно-жёлто-зелёного светофора из желе, заревела Руби.

— Кажется, ты больше будешь скучать не по мне, а по угощениям, сказала бабушка, качая головой.

Ну ладно, хватит. Вы меня совсем придавили! Возвращайтесь-ка лучше к своей писанине. Вы к школе готовитесь?

К школе готовиться нет никакого смысла. Нам совсем недолго осталось туда ходить. На новом месте придётся идти в новую школу. Начнётся новая жизнь, которая нам будет не в радость.

И всё из-за неё! Мы её терпеть не можем! ПРОСТО НЕНАВИДИМ!

Да, ненавидим! Всё началось с тех самых пор, когда папа встретил Розу. Она то и дело приходила и нас расстраивала, вмешивалась куда её не просят! Всё норовила изменить! Начала с папы. И не только повлияла на его поведение — чмок-чмок — фу! Она накупила ему обновок. Был папа как папа в обычной одежде — свитерах и брюках. Костюмы, белые рубашки и полосатые галстуки по будням. Она и до его галстуков Добралась. Сначала купила ему ярко-красный в цветочек. Потом галстук с Мэрилин Монро и Микки-Маусом. В своих дурацких галстуках папа сам стал похож на персонаж мультфильма. Но это её не остановило. Не тут-то было!

Вы даже представить себе не можете — трусы с Дональдом Даком! Хорошо хоть их под брюками не видно! Потом взялась за рубашки. Зелёные в полоску... Красные в клетку... Голубые в горошек!

Сказала, они оживят его старый костюм.

Ещё хуже дело обстояло с одеждой, которую папа носил по выходным. Заставила сдать в магазин для бедных тренировочные штаны и удобные вельветовые брюки — они, видите ли, его старят, и превратила папу в чужого мужчину — придурковатого модника в чёрных джинсах, голубых хлопчатобумажных куртках и рубашках спортивного покроя.

Она даже стала называть его новым именем — Рик. Рик, туда! Рик, сюда! А иногда и вообще — Рики. По-моему, уже достаточно, чтобы нас довести.

Бабушке это тоже не понравилось.

— Его зовут Ричард, — как-то раз прошипела она. — Мы всегда называли его Ричардом. Никто и никогда не называл его Рики или Рик.

Гарнет всегда съёживается, когда бабушка говорит таким голосом. Но Розу этим не проймёшь — она лишь улыбнулась в ответ:

— А я зову его Рики.

Бабушка нахмурилась и скрипнула зубами.

— Ах, господи! — участливо сказала Роза. — Сегодня очень болит?

Роза — вот от кого люди болеют.

У бабушки и правда всё болит. Обострился артрит — иногда она даже не может подняться с постели, и нам с Руби приходится ей помогать. Из-за больного бедра уйма времени уходит на то, чтобы спуститься с лестницы, и всё труднее подниматься вверх, в туалет. Когда она сидит в кресле, ей трудно потом встать. Нам с Руби приходится поднимать — Руби с одной стороны, а я — с другой.

Каково ей будет без нас?

Бабушка переезжает в так называемое защищённое жилище. Сначала мы решили, что бабушка устроится под навесом на автобусной остановке.

Но всё оказалось не так плохо. Она поселится в маленькой квартирке, в доме, где живут пенсионеры. Ей всегда помогут, и в любой момент можно будет нажать на кнопку, чтобы вызвать врача.

Мне кажется, похожая кнопка сидит у меня внутри, и я только и делаю, что жду, когда завоет сирена.

с Ней.

— Как же ты проживёшь без скучной зарплаты? — спросила, фыркнув, бабушка. — Ох, Ричард, какой же ты дурак! Разве можно было до этого доводить? У тебя ведь двойняшки на руках!

— Я не виноват, — ответил папа.

— Ты никогда не выказывал особого рвения. А с тех пор, как связался с этой Розой, вообще превратился в хиппи.

— Ах, ради всего святого...

— Твои дурацкие галстуки и рубашки стали последней каплей. Ну конечно, от тебя поспешили избавиться! И что ты теперь будешь делать? Ты читал в газете колонку с объявлениями "Требуется помощь"?

— Я больше не хочу этим зарабатывать на жизнь, — сказал папа. — Дали довольно приличное выходное пособие, и появился шанс начать своё дело. Можно продать дом и купить магазин где-нибудь в деревне. Да, книжный магазин! Ты меня всегда пилила и уговаривала продать часть книг.

— Ты говоришь чепуху! На меня не рассчитывай!

Ней

Глава четвёртая

Е

Фургон трясёт, и нас укачивает — жизнь перевернулась.

Папа и вправду купил магазин и даже не взял нас с собой, когда поехал его смотреть. Исчез на выходные с Розой, а вернувшись, объявил:

— Ну-ка, угадайте, что я купил? Магазин!

Наш

Мы привыкли к тому, что он говорил:

— Ну-ка, угадайте, что я купил? Целый ящик книг!

Но книжные магазины не покупают в один день. У нормальных людей месяцы уходят на раздумья, осматривание помещений и встречи с юристами.

— Всё очень просто. Одна милая пожилая пара решила уйти на пенсию. Они будут счастливы хоть сейчас освободить дом. Если не удастся сразу же продать наш, то на какое-то время придётся сдать его студентам. Бабушка переезжает на новую квартиру, где ей как пенсионерке будет обеспечен полный уход. Роза снимает комнату, поэтому в любой момент может закрыть свой киоск. Значит, и у неё не будет проблем с отъездом.

Похоже, проблемы только у нас с Гарнет. Наше мнение никого не интересует.

— А почему ты не взял нас с собой, чтобы узнать, понравится ли нам новое жильё? — спросила я.

— Вам там не может не понравиться! — пообещал папа. — Деревня находится вдали от города, у реки. Кругом холмы... Сказочное место! Пруд с утками, как из книжек Беатрис Поттер... Всего одна центральная улица с магазинами... Наш стоит как раз посередине. Закажем полки для книг, а Роза оборудует витрину для своих безделушек. У неё полно дизайнерских идей. Места наверху — сколько хочешь... Вы, девочки, чудесно устроитесь на чердаке. У вас будут свои апартаменты! Вот увидите, как мы здорово заживём!

Сару Кру из "Маленькой принцессы" тоже поселили на чердаке, заставив на всех батрачить, но ей хоть разрешили остаться жить при школе.

А нам пришлось из своей школы уйти.

Было очень грустно прощаться с ребятами и учителями.

Но ещё печальнее было прощаться...

Руби не хочет об этом писать. Вечно она оставляет мне самое неприятное — и без того на душе кошки скребут!

Ах, бабушка! Как нам без тебя плохо! Мы очень, очень по тебе скучаем. Ты нас гоняла, порой была строгой, могла даже шлёпнуть, но нам не было больно, потому что пальцы тебя не слушались. Ворчала ты от старости, а злилась, когда мы и вправду безобразничали.

Ах, если бы ты сейчас была с нами! Сердилась бы сколько угодно, воспитывала, шлёпала — мы бы ничего не имели против!

Ты не злилась, не раздавала подзатыльники направо и налево, когда мы перевезли тебя на новую квартиру, но и радости не испытывала и ни разу не улыбнулась. Как-то вдруг сгорбилась и скукожилась... В общем, без слёз на это...

Мы помогли обставить комнату — принесли твоё любимое кресло, горку с фарфоровым сервизом и другие вещи, но на новом месте они показались чужими, и то, что получилось в

результате наших усилий, мало напоминало дом.

К тебе зашёл поздороваться смешной дедушка-сосед и подарил в честь приезда букетик цветов из своего сада. Папа пошутил, что ты сразу нашла себе ухажёра, но ты не улыбнулась. А когда папа сказал, что всё к лучшему и тебе понравится на новом месте, ты лишь фыркнула в ответ. Промолчала, но так на него посмотрела, точно хотела крикнуть: "Кого ты пытаешься обмануть?!"

Даже не поцеловала папу на прощание, а просто подставила ему щёку, и мы тебя за это не осуждаем, бабушка.

Ты поцеловала нас, а мы — тебя... много-много раз.

они не

Придумываем множество названий для предметов. Иногда слова вообще не нужны, и мы переговариваемся при помощи знаков. По сигналу заходимся в кашле, чихаем или корчимся от смеха.

Розе не позавидуешь — она не привыкла к нашим фокусам.

— Прекратите! — велит папа.

— Что прекратить, папа? — спрашиваем мы хором.

— Хватит паясничать! — восклицает он, замахнувшись на нас свободной от руля рукой.

— Как им это удаётся? — удивляется Роза.

— Что удаётся? — интересуемся мы в один голос.

— Перестаньте! У меня по спине мурашки бегут! Неужели вы действительно умеете читать мысли друг друга? — поёжившись, спрашивает она.

— Ничего они не умеют! — ворчит папа.

— Как же девочки не сбиваются, когда говорят хором, точно клоуны? — удивляется Роза, пристально на нас уставившись.

— Не знаю, — пожимает плечами папа.

— Зато мы знаем! — отвечают Розины мучители, синхронно приподняв брови и таинственно сверкнув глазами.

Терпеливо ждём, пока Роза повернётся к нам спиной и начнёт искать на нашем старом приёмнике какую-нибудь музыкальную программу. Я подаю знак Гарнет, слегка толкнув её локтем. Мы дружно запеваем дурным голосом.

Роза вздыхает в изнеможении.

— Прекратите хор голодных, двойняшки! — сердится папа.

Притворяемся, будто берём ложки и с жадностью набрасываемся на еду.

— Очень смешно! — вздыхает папа.

Видно, ему не до шуток.

Когда он пытается сосредоточиться на дороге, я хватаюсь за воображаемый кинжал и потешно показываю, как нападаю на Розу. Гарнет старательно попугайничает, но не успевает вовремя остановиться. Папа замечает подвох, и сестра испуганно трясёт рукой, словно она онемела.

— Во что это вы играете, девочки? — спрашивает папа.

Мы глупо на него тарачимся и пожимаем плечами.

Папа устало вздыхает, потом убирает одну руку с руля и обнимает ею Розу.

Я снова толкаю Гарнет локтем, и мы грубо хохочем.

Папа сжимает Розино плечо, но молчит. Она тоже не реагирует. Притихли и мы. Слышен лишь треск приёмника — он то замолкает, то странно пищит.

Ему подыгрывают мои внутренности. Может, меня укачивает? И прекрасно! Если начнёт тошнить, буду целиться в Розу.

Руби стало плохо. Она не промахнулась — попала в Розу и... в меня.

Тебе ещё повезло!

Зачем ты пишешь? Вдруг снова начнёт тошнить?

Здорово получилось, правда?

Да, но уж в следующий раз постарайся перетерпеть! Роза израсходовала целую коробку бумажных салфеток. Папе пришлось остановиться на ближайшей станции техобслуживания, и мы с сестрой направились отмыться в женский туалет. Роза долго соскребала вонючий привет Руби с перепачканных джинсов и свитера. Целлофановый пакет пришёлся как нельзя кстати!

— Вот бы вас посадить в этот пакет!

вздыхнув, сказала она.

Послушайте, можете сколько угодно вести себя как идиотки — мне наплевать, но папа ужасно расстраивается.

Мы промолчали, а Руби, несмотря на плохое самочувствие и озноб, нагло улыбнулась.

— Неужели вы не хотите, чтобы он был счастлив"?

спросила Роза, пристально на нас взглянув.

Только не с тобой!

— В последние годы папе пришлось нелегко. Вы обе были от горшка два вершка и наверняка не помните, что, когда умерла ваша мама, он чуть не свихнулся от горя.

Мы молча, с ненавистью на неё уставились.

Какое она имеет право?! Нам показалось, что мы сами вот-вот чокнемся.

Ему было очень тяжело, но он жил ради вас. Старался подстроиться под вашу бабушку. Не мне вам рассказывать, какой нелёгкий у неё характер!

Как она смеет критиковать нашу бабушку?!

— Он не развлекался, никуда не ходил, жил один-одинёшенек, продолжала Роза.

Как это один? А мы?!

— Страдал от невыносимо скучной работы в офисе. Чуть в старика не превратился, хотя ему едва исполнилось тридцать.

С ума она, что ли, сошла? Это же наш папа — он и должен быть пожилым!

— А сейчас у него появился шанс начать жизнь с чистого листа, заняться любимым делом...

Он радуется, как ребёнок! А вы не даёте ему покоя! Неужели сами не замечаете?!

Как же, не замечаем! Именно этого и добиваемся! И не мы его мучаем, а она. Из-за неё одни неприятности, из-за неё, из-за неё!

Глава пятая

Н

И мои тоже!

Жаль, что не нашли места похуже! Да ещё прилипли к нему с самыми ужасными людьми на свете! Прилипли, прилипли, прилипли!

Ну, нельзя сказать, что здесь совсем уж плохо.

Нет, отвратительно!

Ну погоди, Руби! Я говорю не про магазин. И не про деревню. А пейзаж вокруг? Особенно холмы.

Мне до жути не хотелось идти на прогулку с папой и Розой, но, когда мы поднялись на вершину холма, когда любовались открывшимся чудесным видом на много километров вокруг... оказались чуть ли не на облаках... увидели внизу овечек, диких пони... я вдруг почувствовала, что стоит сделать шаг — и полетишь...

Хватит разглагольствовать, мисс Художница-Выпендрёжница! Надо же, до чего договорилась! Облака... охота полетать... Точно стихотворение к уроку литературы сочиняешь: "Как я провела день в деревне". Скука смертная! И пейзаж — хуже не бывает! Серые холмы, серые поля, серые деревья и серый дождь.

Розе тут тоже не по себе. Она по-прежнему воркует с папой, но мы её постоянно доводим, поэтому ей не до красот природы. Как она позеленела, когда я будто случайно, а на самом деле нарочно, зацепила веткой её дурацкие колготки с рисунком, которые сохли на верёвке. В деревенском магазине нашлись только дамские бежевые, и старушка Роза готова была душу продать — лишь бы поскорее оказаться в универмаге в отделе "Носки-чулки".

Супермаркет ей тоже не нравится, потому что в нём не найти свежих овощей и фруктов и хлеб продаётся в нарезке в целлофановых пакетах.

Да, но папа говорит, что будет выращивать в саду малину, помидоры и зелёную фасоль и попробует сам испечь хлеб.

Ты и уши развесила! Папа и тоста подсушить не может! Бабушка всегда говорила, что он ни на что не способен!

А папа говорит, это всё потому, что она никогда не позволяла ему как следует развернуться, вечно ворчала: "Ну-ка, нечего путаться под ногами! Марш из кухни!" Господи, как нам плохо без бабушки! Хоть бы она жила здесь, с нами!

Нет, хоть бы мы жили в старом доме, а не в этой дыре. Мы в неё не вписываемся!

Папин магазин тоже не вписывается, особенно сейчас. Обычно антикварные магазины красят белой или бледно-бежевой краской. Стены папиного магазина сначала тоже были грязно-белого цвета — вот он и решил их немного оживить.

Назову его "Красный книжный магазин",
сказал он.

В честь моих трёх девочек. Рубины красные, гранаты и розы — тоже. Давайте попробуем выкрасить его в красный цвет!

Он поехал в ближайший хозяйственный, что в нескольких километрах от нашей деревни, и вернулся с тяжёлыми банками ослепительно алой краски. Предполагалось, что мы с Руби будем помогать Розе зачищать стены от старой побелки, но через десять минут работы

сестра швырнула губку в ведро, процедив сквозь зубы:

Нам надоело играть в эту игру,
и гордо удалилась.

Что мне оставалось делать — я последовала за ней.

— Эй, ну-ка вернитесь, лентяйки! — крикнула Роза и запустила в нас губкой.

Руби вовремя уклонилась. С губки капала вода. Руби поймала губку и прицелилась. Надо признаться, у неё глаз — алмаз, губка угодила прямо Розе в нос.

Мы бросились бежать со всех ног. Бродили по деревне, гуляли вдоль ручья, пошли на речку, но было очень грязно, а мы без сапог... Я поскользнулась и плюхнулась прямо в грязь. Вид у меня был ещё тот! Руби нещадно надо мной подтрунивала, и настроение вконец испортилось. Попробовала оттереть грязь травой, но ничего не получилось.

Я расплакалась, а Руби рассердилась:

Почему ты вечно ведёшь себя как маленький ребёнок? Сама виновата, что поскользнулась.

Ну и что в этом страшного? Подумаешь — испачкала старые джинсы! Она не посмеет нас отругать, потому что она нам никто — не мама и даже не родственница. Хватит хныкать!

— Как я в заляпанных джинсах пойду по деревне?! Меня же засмеют!

— Больше им делать нечего! Никто и внимания не обратит — ты уж мне поверь!

заявила Руби.

Но она покривила душой. Меня заметили. Ребята, что ловили рыбу с моста, во все глаза уставились на нас. Ну, во-первых, мы недавно приехали, а во-вторых, мы же двойняшки! Мальчишки сразу заулюлюкали и стали кричать разные глупости.

Руби и не подумала улизнуть, как я рассчитывала, а схватила меня за руку, крепко её сжала и слегка трянула, чтобы я опять не вздумала разреветься. Потом направилась напрямик к мальчишкам. Лицо у сестры сделалось красное, как рубин, что вполне соответствовало её имени.

— Ну и что здесь смешного?

спросила она, подойдя ближе и подав мне знак, чтобы я её слушалась.

— Что смешного?

повторили мы хором.

Среди парней были не только наши ровесники, но и ребята постарше. Руби это ничуть не смутило.

Мальчишки поменьше отступили. Я их тоже здорово напугала. А как же — маршировала с Руби нога в ногу, говорила с ней в один голос... Когда мы ведём себя подобным образом, многие впадают в панику.

На парней постарше это вряд ли произвело должное впечатление. Толстый бугай грязно выругался, и все снова загоготали.

— Ах, оказывается, вам смешно, что кто-то случайно испачкался?!

сурово спросила Руби.

— Смешно, да?

повторили мы в унисон.

Потом Руби посмотрела на меня, перевела взгляд на грязную траву, и я знала, что за этим следует — нужно было, как автомат, повторять за ней. Мы нагнулись, окунули руки в

лужу, распрямились — и, пока они на нас глазели, залепили им грязными комьями прямо по физиономиям.

— Ну что, получили? Что ж вы не смеётесь?

спросила Руби, и мы бросились наутёк.

Парни помчались за нами, но мы бегаем очень быстро, поэтому скоро они остались далеко позади. Легче от этого не стало — ведь в перепачканных джинсах до нормального вида мне тоже было далеко.

— Они сейчас выглядят не лучше,
пробормотала Руби, переводя дыхание.

Ну и рожи у них были! Ах, вот здорово! Ну-ка, улыбнёмся нашей фирменной улыбкой! Мы молодцы, близнецы-удальцы!

оскалив зубы, скомандовала Руби.

— Мы молодцы, близнецы-удальцы!

покорно отозвалась я, хотя мне совсем не хотелось улыбаться.

Обычно, находясь в приподнятом расположении духа, мы исполняем близнецовский ритуал. Руби засовывает пальцы в уголки моего рта и растягивает его в улыбку, и я проделываю с ней то же самое.

С большим трудом мне удалось изобразить улыбку, какую вырезают в тыкве на Хэллоуин. Я постоянно оглядывалась назад — не пришло ли кому-нибудь в голову продолжить погоню.

— Не волнуйся! Мальчишки вернулись к своим дурацким удочкам,
почувствовав моё волнение, успокоила Руби.

— Но они всё равно когда-нибудь нас поймают, да? — пролепетала я, пытаюсь удержать на лице близнецовский оскал.

— Ну, мы их сами заловим,
беспечно сказала Руби.

Особенно того, толстого!

— Они нас возненавидят. Ведь придётся учиться в одной школе, да?

Мой оскал превратился в печальную гримасу.

— Не пойдём в их дурацкую школу! Будем прогуливать!
воскликнула Руби.

— Папа узнает — неприятностей не оберёшься! Мы и так попали в переплёт: домой пойти не можем — там Роза, а на реке — мальчишки.

Кажется, прошла целая вечность, пока мы прятались. В изнеможении я прислонилась к каменной стене, которая кололась через майку. Грязные джинсы были мокрыми и липкими. Мышцы на лице ныли от безуспешных попыток улыбнуться. Глаза щипало от подступивших слёз.

Гарнет!

ласково сказала Руби.

Потом обняла меня и крепко прижала к себе. Я к ней прильнула. Наши тени переплелись и стали похожи на сиамских близнецов.

— Может, вернёмся в книжный магазин?

в конце концов осмелилась я произнести свои мысли вслух.

— Пока рано. Нас не было каких-нибудь полтора часа. Она просто рассердится. Нет, нужно подольше не возвращаться — пусть как следует побеспокоится. Ещё лучше не появляться до тех пор, пока не вернётся папа — тогда он тоже разнервничается, и они поссорятся. А когда они уже решат, что нас похитили или убили, мы и придём, и нам ничего не будет. Ну а если и влетит, то совсем чуть-чуть.

— Что же нам делать?

заныла я.

— Поиграем в одну из наших игр,
сказала Руби.

Я повеселела — Руби уже сто лет отказывалась играть в наши игры.

Ну, мы чудесно поиграли!

И потом, когда мы наконец вернулись в магазин, Роза на нас не рассердилась.

Она сама подготовила фасад под покраску, не стала жаловаться папе, постирала джинсы и совсем не ругалась. От бабушки мне бы здорово влетело!

Ты в своём уме, Гарнет? Уж не чокнулась ли ты? Что, решила отметить день Розы-Занозы?!

Нет. Я её не выношу. Просто честно отчитываюсь в нашем дневнике, вот и всё.

А мне кажется, нужно писать о себе хорошо, а о других — плохо. Тогда будет гораздо интереснее.

Роза не растерялась, когда в магазин явилась леди в стёганом жилете, ведя на поводке унылого пса. Она пришла ругаться по поводу красного цвета нашего магазина.

Папа чуть не расплакался, но Роза продемонстрировала полное хладнокровие, сказав, что это наша собственность и мы её как хотим, так и красим. Видеомагазин, через два дома от нас, своими яркими афишами тоже не особо вписался в викторианский стиль нашей деревни. Вредная леди с понурой собакой, презрительно фыркнув, удалились, а мы весело расхохотались.

Хватит петь дифирамбы Розе — ничего в ней нет умного! Сколько всего покупателей забрело к папе?

Ну, пришёл мужчина и попросил книгу о садоводстве... И дама, пожелавшая приобрести руководство по астрологии... И много других покупательниц...

Да, но никто из них не потратил больше фунта!

Священник купил дорожную иллюстрированную Библию...

И больше никто не пришёл! Деревенские не хотят к нам заходить — то ли мы им не нравимся, то ли наши книги... Кто их разберёт?

Но папа говорит, что возлагает надежды на туристов, которые приезжают по выходным, и на отдыхающих.

Кому придёт в голову провести отпуск в нашей дыре? Споры нет, в прошлую субботу и воскресенье в магазине было полно народу, но почти никто ничего не купил.

Пришли походники

и наследили на полу.

Потом ввалились байкеры

и накапали кругом мороженым.

Да одно семейство в полном составе запросилось в туалет.

И никто из этой толпы ничего не купил.

Велосипедист приобрёл альманах комиксов "Бино"...

Подумаешь! Говорю тебе, Гарнет, через полгода папа разорится.

Ладно, пошли, надо напоследок поиграть и отдохнуть! В понедельник идти в новую школу — фу, фу, фу!

Глава шестая

К

Мисс Дебенхэм нормальная, Руби!

Это мисс Дебенхэм.

Да уж, чуть не довела нас до ручки — поставила посреди класса, знакомьтесь, мол, с ребятами. Можно подумать, кто-то её об этом просил! В этой дыре мы и без её помощи прославились!

Особенно после знакомства с Джереми Тредгоулдом и его бандой!

Представляете, этот бугай оказался в нашем классе! Как он только умещается за крохотной партой? А каково сидеть с ним рядом?!

Большое счастье, что нам ещё разрешили сидеть вместе! Мисс Дебенхэм спросила, как нам будет удобней. Обычно учителя подобных вопросов не задают — сами говорят, что вам нужно делать. А ещё мне понравилось на некоторых уроках. Например, когда нас попросили написать про близнецов.

В тебе иногда просыпается маленькая подхалимка. Я давно тебя раскусила!

ЧТО ХОРОШЕГО ВЫ МОЖЕТЕ СКАЗАТЬ О ЖИЗНИ БЛИЗНЕЦОВ?

Очень много!

ЧТО ПЛОХОГО ВЫ МОЖЕТЕ СКАЗАТЬ О ЖИЗНИ БЛИЗНЕЦОВ?

Ничего!

Тебе нужно было воспользоваться нашим трюком зеркального письма.

ЧТО ХОРОШЕГО ВЫ МОЖЕТЕ СКАЗАТЬ О ЖИЗНИ БЛИЗНЕЦОВ?

Огонь и меч!

ЧТО ПЛОХОГО ВЫ МОЖЕТЕ СКАЗАТЬ О ЖИЗНИ БЛИЗНЕЦОВ?

Огечин!

Вот бы было весело! Вот бы ХОРОШО! Ответили бы в близнецовско-удалом духе!

Как бы не так! Эта подлиза-прилипала-подхалимка-учительская-угодница решила написать полный ответ.

ЧТО ХОРОШЕГО ВЫ МОЖЕТЕ СКАЗАТЬ О ЖИЗНИ БЛИЗНЕЦОВ?

О жизни близнецов можно сказать много хорошего. Ты никогда не чувствуешь одиночества — ведь рядом с тобой всегда лучший друг — с ним интересно и поговорить, и поиграть.

Придумывай секреты, изобретай игры, которые никто, кроме вас, не сможет понять. Говори в один голос, делай все вместе — и ты почувствуешь вдвое больше сил!

ЧТО ПЛОХОГО ВЫ МОЖЕТЕ СКАЗАТЬ О ЖИЗНИ БЛИЗНЕЦОВ?

Пожалуй, в жизни близнецов мало плохого. Просто иногда хочется побыть одной. Не разговаривать, не выдумывать игры, не выслушивать секреты! Просто побыть наедине с собой, а не быть частью кого-нибудь другого. Тебя.

Как у тебя только рука не отсохнет? Неужели тебе и вправду хочется побыть одной? Ладно, в следующий раз, когда на нас нападёт Бугай, я просто убегу!

Ах, до чего же было страшно! Он подкрался к нам, держа в обеих руках по огромному червяку. Терпеть не могу червяков!

Не скажу, что я сама от них без ума. Особенно когда их сажают тебе за ворот свитера! Я не растерялась и тут же пересадила своих червяков Бугаю в штаны.

Джуди сказала, что однажды он посадил червяка ей на шею и она чуть сума не сошла. Она сказала...

Чихать мне на Джуди и на то, что она сказала. Не понимаю, как тебе взбрело в голову меня бросить?!

Она очень хорошая, Руби, честное слово! И ты прекрасно знаешь, что я тебя не бросала. Мисс Дебенхэм решила слегка подновить скучные стены нашего класса и предложила нарисовать на них Ноев ковчег. Она спросила, каких животных мы хотим изобразить. Я надеялась, что никто не выберет жирафов, наших любимцев, поэтому, когда она подошла к нам, пробормотала: «Жирафа». Мисс Дебенхэм улыбнулась тебе и спросила:

— Будете рисовать жирафов-близнецов? Да, Руби, я правильно угадала?

Я ответила:

— А вот и нет, мисс Дебенхэм! Не хочу рисовать дурацких жирафов!

Но почему ты это сказала? И как тебя угораздило выбрать блоху?

Проще простого. Клякса — и блоха готова! И если бы ты поменьше болтала и не лезла поперёк старшей сестры в пекло, то и рисовала бы блоху, а в оставшееся время сидела бы сложа руки. Ну нет! Тебе понадобилось рисовать жирафа вместе с этой глупой девчонкой Джуди!

Я тебя не бросала. Во всяком случае, это не входило в мои планы. У меня и в мыслях не было, что Джуди тоже захочет рисовать жирафа, и я попыталась исправить положение — ты же знаешь! Но мисс Дебенхэм сказала:

— Нет уж, Гарнет! Ты сама говорила, что хочешь нарисовать жирафа. Поэтому работай вместе с Джуди. Мало ли что Руби не хочет его с тобой рисовать!

Ну конечно! До меня никому и дела нет!

Руби, не надо! Не вредничай!

Буду делать то, что хочу. А если ты собираешься дружить с Джуди, что ж — вольному воля! Не хочу я с ней дружить!

Что ж ты ей позволила крутиться вокруг нас на перемене? От её глупой болтовни я чуть на стенку не полезла. Как ещё ей не врезала?!

Не могла же я её прогнать!

А вот я прогнала!

Да. И вела себя очень грубо. А я тебе говорю, Руби, с Джуди интересно. Она хорошая! Если бы ты узнала её поближе, ты бы сама так сказала! мою

Руби, ну давай не будем ссориться! Руби, вернись! Ну пожалуйста!

Глава седьмая

Р

уби!

Терпеть не могу, когда Руби со мной не разговаривает! Точно я теряю свою половинку! Язык не ворочается, руки опускаются...

Она права. Делать мне было нечего — писать эту чушь про близнецов. Очень тяжело жить одной!

Вчера Руби весь вечер меня бойкотировала. Когда я пыталась ей что-то сказать, она затыкала уши руками, кричала «бла-бла-бла» и отказывалась меня слушать.

После ужина мы пошли в свою комнату, и Руби стала читать комиксы «Бино». Я попросила прощения, но она на меня даже не взглянула. Попыталась приласкать — сестра вывернулась из объятий. Попробовала отобрать у неё книжку, чтобы привлечь к себе внимание, но она выхватила её из рук и стукнула меня по голове. Было очень больно, но я не из-за этого расплакалась.

Руби не обратила никакого внимания на мои слёзы. У меня потекло из носа, и пришлось идти за бумажной салфеткой. Роза увидела меня во всей красе.

— Ах, моя хорошая!

сказала она и, прежде чем я успела взять салфетку, сняла с шеи шифоновый шарф и вытерла мне нос.

Послушай, я как раз бегу в видеомагазин, потому что по телевизору сегодня ничего интересного. Пойдём, поможешь мне выбрать хороший фильм.

Я не знала, что делать. Руби мне ни за что бы не простила, если бы я разрешила Розе себя утешить. Но она меня и так никогда не простит.

— Пошли, купим шоколадных конфет,
сказала Роза и погладила себя по животу.

С тех пор как мы сюда переехали, я прибавила целых два килограмма. Ну и пусть!

Мне очень хотелось пойти с Розой. Может, Руби ничего не узнает, если не выглянет в окно? Кого я хочу обмануть?! Руби проще простого вывести меня на чистую воду.

— Я лучше останусь дома,
сказала я Розе.

Мне что-то не хочется.

— Тебе вовсе не обязательно всегда подчиняться Руби!

Она уже научилась нас различать, если мы только нарочно не сбиваем её с толку. Ей кажется, она лучше нас понимает. Ничего у неё не получится! Я и сама порой теряюсь, и приходится идти на поводу у Руби. Потому что, если я этого не сделаю, она отказывается со мной общаться, а для меня нет ничего хуже её молчания.

Обычно Роза выбирает фильмы про любовь с красавцами мужчинами, однако на этот раз она принесла "У железной дороги". Это один из моих самых любимых мюзиклов на все времена, правда когда мы смотрим его вместе с Руби, она пытается всё испортить — насмехается над разговором персонажей, а в трогательном финале, когда Бобби бежит по платформе навстречу отцу, сестра улюлюкает и выключает фильм на самом интересном месте.

Папа слегка приподнял брови, когда у видел кассету, но промолчал. Обычно он сидит на диване с Розой, но в тот вечер пересел в кресло и посадил меня к себе на колени. Роза с ногами устроилась на диване и, положив себе на пузо коробку с шоколадными конфетами, стала кидать их нам. Я поблагодарила, сказав, что не голодна, но папа сунул мне в рот мою любимую помадку. Не могла же я её выплюнуть!

Папа с Розой изо всех сил старались меня развеселить, но ничего не получилось. Конфета оказалась безвкусной, начался фильм, но мне не удалось сосредоточиться на его содержании — я сидела, уставившись в потолок. Там, наверху, одна-одинёшенька грустила Руби.

— Может, нам её позвать?

спросила Роза.

Мы с папой переглянулись — конечно, Роза пока ещё не поняла, что за фрукт наша Руби. Она всё-таки отправилась за сестрой и попыталась угостить её шоколадными конфетами. Когда я пришла спать, то увидела, что Руби к ним даже не притронулась.

Мы всегда вместе умываемся и синхронно чистим зубы, но на этот раз она влетела в ванную, захлопнув дверь прямо перед моим носом. Позже, уже в ночной рубашке, она смотрела на меня как на пустое место. Я и чувствовала себя пустым местом.

Выключив свет и лёжа в постели, я попробовала заговорить с Руби шёпотом, но она не ответила. Мне не спалось. Посреди ночи я выскользнула из своей кровати и примостилась рядом с Руби. Она крепко спала и тихонько похрапывала, но даже во сне не захотела ко мне прижаться — пришлось вернуться к себе.

По-моему, я всё-таки ненадолго задремала, но сейчас у меня опять сна ни в одном глазу, хотя утро ещё не наступило.

Кажется, Руби тоже не спит.

Руби!

Она молчит.

Но теперь я знаю, что надо делать... Ура! Получилось!!! Мы снова друзья, правда, Руби?

Угу! Эй, отстань, Гарнет!

Мирись, мирись и больше не дерись!

Ну хватит, я же пошла на примирение!

Нет, ты напиши об этом в нашем дневнике! Напиши, что мы больше никогда не будем ссориться!

Никогда больше не буду ссориться с моей сестрой-близняшкой и лучшей подругой Гарнет Баркер!

Ой, ты и вправду написала! И прибавь: "Клянусь!"

Клянусь, что моя сестра и лучшая подруга Гарнет Баркер действует мне на нервы разной чепухой и, если она сейчас же не заткнётся, я возьму свои слова обратно.

Нет, не возьмёшь! Никаких "обратно"!

Я пошутила, глупая! Слушай, что за бред ты тут написала? Сколько страниц на нытьё извела!

Не смотри! Ты права — всё это ерунда.

Значит, ты с ними съела шоколадную помадку, да?

Я не хотела. Просто у меня был открыт рот, и...

Ну, ничего не поделаешь! Теперь моя очередь! Где мои шоколадные конфеты? Ням-ням-ням!

Две в один присест! И нечего на меня пялиться! Сама-то вчера наелась!

Только одну и съела.

Ну ладно, вот...

Ты уже начала жевать! Фу, какая липкая и противная!

Мы ведь близнецы! Подумаешь — липкая! У нас всё пополам — слюна, плевки...

Ты плюёшься дальше и смачнее!

Слушай, классно мы сегодня отделали Джереми Блоба! Лучше не бывает! Здорово я придумала, просто потрясающе! Подошли к нему на игровой площадке и тихо-тихо заговорили... Он затряс головой, скорчил рожу: "Что-что? Не слышу!"

Тут мы как закричим: "Надо уши мыть!" И как плюнем ему в оба уха!

К сожалению, в это время по площадке шла мисс Дебенхэм. Она не больно-то обрадовалась, когда я выпалила, что не хочу заканчивать своего жирафа и буду рисовать блоху-близняшку, чтоб твоя не грустила. Джуди тоже расстроилась — ей одной пришлось возиться с двумя длинноногими жирафами — мало ей своего, ещё три четверти моего прибавилось...

Чихали мы на них, да?

Мы вместе, и это главное. Будь что будет!

Ну, школа превратилась из простой в шоколадную. Мы с Гарнет бездельничаем. Сидим, уставившись в одну точку, когда нас вызывает Дубина Дебенхэм. Или вдруг захочется что-нибудь написать, не волнуйтесь — самую малость! Гарнет практикуется в зеркальном отображении моих каракуль. Или дважды делаем одно задание — каждая сдаёт по две колонки с примерами на сложение, рисует две карты, заполняет лишний лист с ответами на тест, потому что мы двойняшки, вот и умножай всегда на два.

— Дурь в квадрате, — вздохнула Дубина Дебенхэм и попробовала нас рассадить — Гарнет за последнюю парту, а меня — за первую.

Не подействовало. Гарнет не спускала с меня глаз. Стоит мне наклонить голову в одну сторону, знай — пора чихать. В другую — а ну, роняй книги на пол! Или я едва кивну — мы обе вскакиваем и в один голос говорим:

— Можно выйти, мисс Дебенхэм?

И давай маршировать нога в ногу — шаг я, шаг Гарнет... Левой-правой... Размахиваем руками: направо — налево, направо — налево... Потом я чуть слышно кашляю — ну-ка, задерём головы, потрясём косичками: влево — вправо, влево — вправо...

Эй, ребята, что рты разинули?

Мы даже Джереми Блоба напугали!

Кажется, мы попали в двойной переплёт с папой — ему позвонила Дубина Дебенхэм и наябедничала.

— Почему вы хулиганите в школе? — сердито спросил папа.

— По-моему, и дома они ведут себя не лучше! — воскликнула Роза.

— Мы валяем...

— ...дурака...

— ...только...

— ...с дураками...

Ну, тут нам здорово влетело! Папа схватил нас и как следует встряхнул. Я думала, он нас лбами столкнёт.

— Сейчас же прекратите! Не допущу, чтобы вы хамили Розе! Что на вас нашло? Вы всегда были хорошими девочками! Ну, скажем, на тебя, Руби, порой накатывало, но ты никогда не вела себя совсем уж гадко. Вы обе прилично учились, и я вами гордился. А что теперь?

Прямо из шкурки вон вылезаете — озорничаете, точно в вас проснулся разрушительный дух! Даже не стараетесь завести новых друзей! Мисс Дебенхэм говорит, что вы сами ввязались в драку с мальчишками и вчера обидели одну девочку, Джуди, кажется...

Обхохочешься! Она возилась с дурацким жирафом для Ноева ковчега и как раз собиралась раскрашивать ему шею коричневой краской, когда я подала знак Гарнет, что мы хотим в туалет, и по пути мы случайно, а может быть нарочно, столкнулись с Джуди... у неё рука дрогнула — и шея у жирафа закрутилась, словно штопор. Поделом ему!

Вспомнив об этом, я фыркнула, и папа окончательно рассвирепел. Гарнет, как обычно, всё испортила, потому что заревела. Папа вздохнул и спросил:

— Зачем тебе во всём копировать Руби? В новой школе ты ведь сначала старалась, а сейчас хулиганишь, как сестра.

Он снова легонько меня встряхнул и поинтересовался:

— Почему бы тебе не подражать Гарнет, Руби?

Гарнет меня не подвела.

— Я не копирую Руби, — заявила она.

— Я не копирую Гарнет, — подхватила я.

Потом пришлось фыркнуть, потому что Гарнет приготовилась снова расплакаться. Я потёрла сухие глаза, Гарнет — влажные. Сестра поняла, что следующим номером программы станет гордо поднятый подбородок и нахальный взгляд, поэтому послушно повторила мои ужимки.

Папа растерялся, хотя давно привык к нашим фокусам, а Роза захлопала в ладоши.

— Да им пора на сцену! — воскликнула она.

— Именно туда мы скоро отправимся — ха, ха, ха! — пообещала я.

Гарнет замешкалась, поэтому её «отправимся» припозднилось и прозвучало довольно робко. Кто твоя вторая половинка? Самая главная, старшая и важная? Делай, что велят!

Глава восьмая

Н

В субботу мы сидели в кухне. Заняться было решительно нечем. Папа работал в магазине, а Роза поехала в город. Дом был в полном нашем распоряжении. Гарнет замесила тесто и принялась лепить дурацких близнецов. Она даже заплела им косички и украсила кружевами трусики.

Я сказала, что хочу обуть свою двойняшку в мартенсы, чтоб удобнее было пинаться — ха-ха-ха. Попробовала заменить ей башмаки, но ничего хорошего из этого не получилось — пришлось сломать фигурку и лепить по новой. Тесто размякло, и на свет вместо девочки-двойняшки появился Джереми Блоб. Гарнет слепила меня заново. Потом я взяла зубочистки, воткнула их в лепёшку по имени Джереми, и мальчик из теста превратился в дикобраза.

Хватит играть с тестом! Я сложила газету в несколько раз, как нам показывала бабушка, аккуратно вырезала фигурку близнеца и, развернув бумажную гармошку, получила цепочку бумажных кукол. Как оказалась, я испортила газету «Гардиан», и Роза не успела её прочитать. Круто!

Всем близнецам нарисовала фломастером глаза, рты и пуговицы. Подумаешь — нет у меня художественного вкуса, как у Гарнет! Наплевать, что получилось не слишком красиво!

— Быть вам двойняшками! — сказала я, нарисовав улыбающуюся рожицу себе и...

И оторопела, потому что на юбке одной из кукол увидела слово «близнец». Лихорадочно собрала газетные обрезки, чтобы дочитать объявление. Нашла клейкую ленту и принялась скреплять отдельные кусочки.

— Молодец, что склеиваешь! — пробормотала Гарнет, заканчивая мой памятник из теста. — Роза, когда вернётся, захочет почитать газету.

— Забудь про Розу! Нам самим надо знать, что тут написано! — сказала я, разволновавшись не на шутку. Руки сильно дрожали, я и не заметила, как сама прилипла к клейкой ленте. — Гарнет, поди сюда! Ты только посмотри! Ой, мамочки мои! Нет, ой, мои мальчики! Ой, мои девочки! Ой, девчонки-двойняшки!

— Что ты бормочешь? — спросила Гарнет. — Эй, не ёрзай! Придётся снова косу лепить!

— Да брось ты ерундой заниматься! Смотри!

Я подсунула ей под нос смятую склеенную газету.

ТРЕБУЮТСЯ ДЕВОЧКИ-ДВОЙНЯШКИ

Компания «Саннили-продакшнз» планирует снять телевизионную версию знаменитой повести Инид Блайтон "Близнецы в школе Сент-Клер". Пробы на главные роли начнутся в понедельник. Приглашаются девочки-двойняшки 10–14 лет, обладающие актерскими способностями и желающие принять участие в конкурсном отборе, который состоится в девять часов утра по адресу: Ньюлейк-стрит, 10, Лондон 11.

— То, что нужно, Гарнет! — закричала я.

Обычно Гарнет быстро читает, но на этот раз ей потребовалось больше времени, потому что она никак не могла взять в толк содержание объявления. В руках она держала мою фигурку из теста.

— Эй, поосторожней! Не сломай!

Гарнет сделала из меня шарик и уронила на кухонный пол.

— Ни за что! — воскликнула она.

— Что?

— Нет, не смогу!

— Ещё чего выдумала! Конечно, сможешь! У нас получится, получится, получится!

Согласна, трудно поспеть в Лондон к девяти утра. Придётся встать пораньше. Роза сама управится в магазине, потому что папа нас отвезёт. Тебе понравится!

— Нет.

— Не нет, а да! Нужно поскорей начать готовиться к прослушиванию. Неси быстрее книгу!

Давай выучим какой-нибудь отрывок наизусть!

— Руби, ты же знаешь, я ни за что не смогу играть перед комиссией!

— Послушай, всё будет замечательно. Обещаю, ты не опишешься!

— Прекрати! Это не смешно! Не хочу в шоу-бизнес! Сама езжай, а я останусь дома!

— Ха-ха! И как ты себе это представляешь? Как одной участвовать в просмотре, если требуются двойняшки? Прикажешь ехать с близняшкой из теста?! Хватит валять дурака! Ну, где книга? Пора за дело! Разберёмся в характерах героинь... У моей двойняшки будет больше слов. Не волнуйся, мы что-нибудь придумаем! Тебе почти не придётся говорить, поняла?

— Нет, Руби, пожалуйста! Ну пожалуйста!

Сестра нервно вцепилась в мой свитер и перепачкала его тестом.

— Нельзя упускать счастливый случай, Гарнет! Обязательно надо попробовать!

— Но в объявлении сказано: "Весёлые и активные". Я им не подойду. В отличие от тебя, Руби, я совсем не активная, не общительная и не весёлая. Типичная вещь в себе!

— Не беспокойся! Как-нибудь прорвёмся! Делай, как я!

Почему нужно всегда поступать, как Руби?

Я не умею играть на сцене.

И не хочу!

Не могу поехать в Лондон на прослушивание! Не умею декламировать, когда на меня смотрят. Кончится ещё хуже, чем в случае с овцой. Почему Руби меня не понимает?! И не хочет выслушать! Лихорадочно пролистывает "Близнецов в школе Сент-Клер" в поисках подходящего отрывка...

Не собираюсь играть...

Не могу, не могу, не могу и не хочу!

Помнишь, что нам говорила бабушка? Нет слова "не могу"! Хватит царапать, как курица лапой! Пора учить роли! К понедельнику слова должны от зубов отскакивать!

Ладно! В конце концов, мне не придётся играть. Нам папа не разрешит!

Я и не знала, до чего вредным он может быть! Кажется, он не понимает, что нам выпал один шанс из тысячи! Только нам!

— Не глупи, Руби! С чего ты взяла, что в понедельник ни свет ни заря я повезу вас в Лондон? Не хочу, чтобы вы с Гарнет с детства болтались по репетициям. Терпеть не могу сюсюкающих монстров — юных актёров. Хватит с меня ваших представлений дома!

Ты подумай! Не желает нам помочь добиться заветной цели...

Твоей цели...

Скольким нам пришлось ради него поступиться! Уехать от бабушки, уйти из старой школы, покинуть любимых друзей. Поселиться в жуткой пыльной дыре, в скучной деревне, где постоянно идут дожди и ничего нет, кроме грязи да овец. Мало того, эта крыса, Роза, заняла мамино место!

Не мамино, а мачехино! И Роза сказала, что роль мачехи её не прельщает. Не собирается она строить из себя злыдню и кормить нас отравленными яблоками! Ей хочется стать нашим другом!

А вот мы этого не желаем! Правда? Не слышу ответа, Гарнет!

Да. Но, по правде говоря, вредной её не назовёшь. И ещё Роза сказала, что не понимает, почему папа не пускает нас на прослушивание, и велела ему не вредничать. Она в нас верит — мы получим роли! Даже предложила встать в понедельник пораньше и отвезти нас в своём фургоне!

Неужели ты не понимаешь, что это одни слова? Она знала — папа нас не отпустит!

Однако Роза за нас заступилась!

Вы только на неё посмотрите! Тоже мне — активистка Общества поклонения перед крысой Розой! Ещё успеешь пропеть ей дифирамбы! Ты лучше о нас подумай!

Надежда театра и кино, двойняшки Руби и Гарнет Баркер, впервые прославившиеся в известном телевизионном сериале "Близнецы в школе Сент-Клер".

Нам не видать ролей в фильме "Близнецы в школе Сент-Клер" как своих ушей!

Вот посмотришь, нас выберут!

Папа нам не позволит, его не переубедить! Ты, как он, упрямая! Никуда он нас не повезёт!

Без тебя знаю! Сами поедем!

Что?!

Положись на меня! Нельзя упускать уникальный случай! Эй, Гарнет! А ну-ка, близнецовский оскал! Улыбнись!

У Руби ничего не получится, да???

КАК БЫ НЕ ТАК!

Настроилась по-боевому и в субботу днём помчалась по делам. Позвонила на станцию, чтобы уточнить, когда отходит поезд в Лондон.

Пошла в видеомагазин и заказала такси на полшестого утра в понедельник. Владелец магазина, мистер Бейнз, работает водителем по совместительству. Он страшно любопытный и попытался узнать, зачем нам нужно успеть на первый поезд. Я наплела ему про бабушкин день рождения. Кажется, он поверил, что папа тоже хочет её навестить. Потом отправилась в ближайший антикварный магазин и попыталась сбыть серебряный медальон, наручные часы и дурацкую фарфоровую куколку, которую мне подарила бабушка. В детстве она мне никогда не нравилась, и с ней играла Гарнет, как, впрочем, и со своей. Но кукла-то моя! И медальон, и часы! Но продавщица из антикварного магазина отказалась их покупать. Она сказала, что нужно привести маму или папу.

Ну, мамы у меня нет. И папы, можно сказать, тоже.

Попробовала пойти в другой антикварный магазин — невезуха! Потом ещё в один — опять облом!

Скажите, у меня опустились руки? За кого вы меня принимаете?! В воскресенье утром отправилась к реке, на блошинный рынок. Почти никто не заинтересовался медальоном на цепочке и часами, но я видела, как торговцы восторженились при виде куклы, хотя притворились, что в ней нет ничего особенного. Предложили мне десять фунтов точно великую милость. Я не дурочка! Попросила семьдесят пять! Купили за тридцать. Даже всех наших личных сбережений из копилки не хватило бы на такси и поезд, поэтому, когда в понедельник, в четыре утра, прозвенел будильник, я прокралась вниз, пока Гарнет мирно посапывала, и свистнула пару бумажек из кассы нашего магазина. Если берёшь деньги у близких родственников, вряд ли это можно назвать воровством, да? Ты же отдашь долг. Знаю, вы скажете, воровство есть воровство — ну, бес попутал...

Потом я разбудила Гарнет, и мы долго одевались в темноте, возясь с нашими лучшими нарядами.

Прокрались вниз, схватили печенье на завтрак и встали на часах у двери — ждать мистера Бейнза, чтобы он не вздумал позвонить в звонок и разбудить папу с его крысой Розой. Они крепко спали. Я проверяла!

Мистер Бейнз приехал на десять минут позже, и я жутко боялась не успеть на поезд, потом вдруг стал допытываться, где папа, — опять проволочка. У мистера Бейнза очень громкий голос, и, опасаясь, что родители проснутся, пришлось храбро соврать, что у папы расстроился желудок — ему не до поездок. Когда он позвонил бабушке, та очень огорчилась. Что ж, пришлось папе пообещать, что он пришлёт нас.

— Неужели он отпустил двух маленьких девочек одних в Лондон? — недоверчиво спросил мистер Бейнз.

Я показала ему туго набитый кошелек и объяснила, что на вокзале нас встретит бабушка, поэтому ему ничего не оставалось, как пожать плечами и согласиться отвезти нас к поезду. Гарнет не проронила ни слова. Казалось, сестра движется в полусне. В такси она совсем с лица спала. Из нас двоих укачивает меня, но на этот раз обошлось. Я даже не забыла дать мистеру Бейнзу на чай, хотя он этого не заслужил — опоздал да ещё задал кучу вопросов. Купила билеты на поезд. Гарнет со мной не было. Она пряталась за кустом — её тошнило. Я беспокоилась, что она испортит свой лучший жакет. Невозможно произвести благоприятное впечатление на прослушивании, если перед вашей одеждой будет неизвестно в чём. Зря я волновалась — сестра очень аккуратная и не испачкалась, хоть и позеленела больше обычного. Хорошо, наши жакеты тоже зелёные — нарочно не придумает, прямо в тон!

В поезде Гарнет дрожала как осиновый лист. Пришлось заставить её повторить нашу сценку, но ей стало ещё хуже, и из глаз хлынули слёзы.

— Не смей реветь! Ещё не хватало, чтобы на прослушивании у тебя были красные и усталые глаза.

Она всё-таки заревела, и я её умыла в женском туалете.

— Неужели ты хочешь меня подвести?! — свирепо спросила я.

Иногда, чтобы добиться желаемого, приходится быть жестокой.

Когда мы вышли из поезда, даже я присмирела, потому что на вокзале было полно народу, и мы понятия не имели, куда идти. Никто нам не мог ответить, где находится Ньюлейк-стрит. Я храбро предложила поехать на метро, но мы не знали, как называется станция, и не нашли нужную линию. Пришлось сначала спуститься вниз по эскалатору, а потом снова подняться вверх, чтобы выйти на улицу. В кошельке оставались деньги, поэтому, увидев стоянку такси, я обрадовалась, и дальше мы поехали на машине.

Оказалось, что денег нам не хватило, и водитель рассердился, но было не до него. Меня взволновало другое. Я вылезла из такси, Гарнет с трудом выкарабкалась за мной. Мы уставились на огромную толпу, и на нас устремились сотни глаз. Двойняшка за двойняшкой... двойняшка за двойняшкой...

Глава девятая

Д

о чего же странно ни с того ни с сего вдруг очутиться среди других двойняшек! Мы с Руби, конечно, и до этого с ними встречались, но никогда не сталкивались с тучами себе подобных... Казалось, мир раскололся на две половины. Мы всегда ощущали себя неповторимыми, уникальными, необыкновенными... Мы это мы. Но на той улице обе вдруг потерялись в толпе близнецов. И ничего-то в нас нет особенного, и ничем-то мы не выделяемся...

— Давай вернёмся домой!

жалобно обратилась я к Руби.

Ничего у нас не получится!

— Не дури!

свирепо прорычала Руби.

Сколько раз тебе повторять, повторять и ещё раз повторять — это наш единственный шанс, который нельзя упустить. Не вешать нос! Мы им еще покажем! Лучше нас никому не сыграть!

— Я не актриса, Руби!

Она лишь окинула меня грозным взглядом, потом схватила за плечо и отвела в самый конец очереди.

Мы прошли мимо высоких двойняшек

и двойняшек-коротышек

и хорошеньких двойняшек

и самых обыкновенных

и двойняшек-воображал

и замухрышек

и милых женственных двойняшек

и девчонок-двойняшек-сорванцов

и даже мимо двойняшек-мальчишек.

Парни, наверное, книгу не читали! — презрительно фыркнула Руби.

Хотя, может, они нацепят платья и парики. С них станется!

— Ты только посмотри, кто здесь собрался! Какие у них громкие, поставленные голоса и самодовольные улыбки. Небось занимались в театральных кружках, сказала я.

— Ну и что с того? Сколько я сил на тебя положила, чтобы поднатаскать в актёрском мастерстве! Слушай, давай лучше повторим роли!

— Только этого не хватало! Не выпендриваться же перед всеми!
в ужасе пролепетала я.

— Эй, кому нужна репетиция — тебе или мне?

проворчала Руби. Потом притянула меня к себе и зашептала прямо в ухо: — Мы потихоньку.

Я тут знаешь что придумала? Нужно что-нибудь отчебучить, чтобы сразу выделиться. В общем, сыграем сценку, в которой двойняшки спорят с Мамзель. Давай изобразим её посмешнее! Не пугайся! Тебя никто не заставляет — сама справлюсь. У меня классно

получается французский акцент: та cherie, ohlala, tresbon...

Но играть нам не пришлось. Мы простояли несколько часов в очереди. Мне ужасно хотелось в туалет, поэтому, когда мы наконец вошли в здание, пришлось идти, скрестив ноги. На этом мои мучения не закончились — мы ещё долго отвечали на вопросы администратора, которая записала наши имена, адрес, номер школы... и только потом мы оказались наверху. Я ужасно испугалась, что опять описаюсь и меня всю жизнь будет преследовать печальный опыт с овцой, но в коридоре оказалось полно туалетов. Нашлась даже гримёрная для тех, кому нужно переодеться в костюмы. Хорошо хоть нам не во что было наряжаться! Руби слегка пощипала мне щёки, чтобы появился румянец. Я переплела нам косы. Невыносимо дрожали руки я и узелка не смогла бы завязать! Потом мы снова вернулись в очередь, ожидая, когда же нас пригласят на прослушивание.

Нервное напряжение усилилось. Опять понадобилось пару раз сбегать в туалет. Даже Руби задёргалась и начала озираться по сторонам, оглядывая других сногшибательных двойняшек, которые увлечённо повторяли свои роли. Сестра нахмурилась и стала грызть ногти.

— Не знала, что нас попросят станцевать, пробормотала она.

В книжке никто не танцует. Может, хотя бы поставить мюзикл? Что ж, споём, если попросят... не эстрадную песню, конечно, а "Моя любовь за морем-океаном". Будем сопровождать каждый куплет жестами.

Не хочу петь да ещё кривляться! Сама знаешь, у нас ни слуха, ни голоса! возмутилась я.

— Будем скорее не петь, а декламировать, по с чувством, оборвала меня Руби.

Ну а если придётся танцевать, что ж, немножко попрыгаем и подрыгаемся... Короче, будем импровизировать. Делай, как я, ладно?

У меня не было сил сопротивляться, хотя я понимала, что из её затеи ничего не выйдет.

— Давай немножко разомнёмся, предложила Руби и стала слишком увлечённо прыгать на одной ножке и корчить из себя опытную балерину.

Войдя в раж, она случайно задела двойняшек, которые стояли перед нами.

На них были чудесные старомодные школьные формы сарафаны свободного покроя, блузки, фильдеперсовы чулки и туфли с ремешками. Фильдеперсовый чулок одной из девочек не выдержал натиска Руби и дал стрелку. Больше всех расстроилась их мама.

— Послушайте, не расстраивайтесь, ничего страшного — он же был старый! Это только прибавит костюму достоверности, пробормотала Руби, гордо выговаривая длинное незнакомое слово.

Маму её объяснение не убедило, да и двойняшки разволновались, но их позвали на прослушивание, и они умчались в зал.

— Мы следующие, Гарнет,
сказала Руби, сжав мне плечо.

Руби и Гарнет великолепно сыграют сцену и не струсят! Глупым воображалам нас не переиграть! Только ты да я, да мы с тобой. Представь, что мы вдвоём играем в своей комнате. Не бойся! Мы справимся! Ты уж мне поверь!

Я попыталась... И тут подошла наша очередь... Обещания Руби не сбылись. Нас проводили на сцену, окружённую толпой зрителей... Заработали кинокамеры, и я чуть не упала в обморок. Руби схватила меня за руку, процедила сквозь стиснутые зубы: "Близнецовский оскал!" — и храбро шагнула на середину сцены.

Привет, двойняшки!

сказала женщина с короткой стрижкой в платье свободного покроя.

— Привет-привет!

ответила Руби, подражая её интонации и стараясь вести себя спокойно и непринуждённо, хотя у неё на лбу выступили капли пота.

Сестра пихнула меня локтем в бок, и я пропищала: "Привет!"

— Мы подготовили сценку,

бодро объявила Руби, пытаясь выдать нас чуть ли не за профессиональных актрис.

Я Пэт, она — Изабель. В роли Мамзель тоже я... Жанет...

Все почему-то захохотали. Я покраснела... испугалась, что Руби ведёт себя как дурочка, но она не смутилась, а тоже рассмеялась.

Когда-нибудь мы с удовольствием посмотрим ваш номер, но сейчас нам бы хотелось проверить ваши голоса,

сказала женщина с короткой стрижкой.

Итак, двойняшка номер один, расскажи-ка нам, что ты вчера ела.

От удивления Руби захлопала ресницами, но не растерялась, и, откинув косы за спину и подбоченившись, начала:

— Итак, вам интересно, что я ела вчера. Ну, на завтрак, как всегда, был противный овёс с изюмом и коричневым сахаром. Мы с Гарнет привыкли к вкусным кукурузным хлопьям и сэндвичам с джемом — ням-ням, но с тех пор, как у нас поселилась эта женщина, подруга нашего папы, она покупает продукты в магазине, где продают всякую гадость, полезную для здоровья, поэтому — прощай хлопья, привет овёс! В общем, крупа да отруби, жуй — да плюй, вовек не прожужёшь, да ещё эти мерзкие изюмины, как кроличий помёт, фу!

Они снова захохотали, но на этот раз и я поняла, что Руби отлично выступила и очень им понравилась.

— Чудесно, а теперь, двойняшка номер два, расскажи нам, что у тебя было на обед, предложила женщина с короткой стрижкой.

Зрители перевели взгляды с Руби на меня. Она тоже в ужасе на меня посмотрела, боясь, что я всё испорчу.

Пора войти в роль храброй и отважной Руби, а не трусливого мышонка Гарнет! Косы за спину, руки в боки... и я открыла рот, чтобы начать.

Мысленно отрепетировала текст и знала, о чём буду рассказывать. Хотела в красках описать отвратительный вкус Розиноного чесночного пирога. Люди от нас потом целый месяц

шарахаются, стоит лишь дыхнуть в их сторону. Шесть зубных щёток извели — никакого толка! Под настроение рассмешу кого угодно... Не хуже Руби. Честное слово!

Тут вдруг кто-то ворвался в зал, и я почувствовала на себе его пристальный взгляд. Да это же папа!

У меня точно язык отсох. Папа не пытался меня остановить. В этом не было нужды. В его присутствии выступать я не могла. Только не это! Открыла рот — и не произнесла ни звука. Попробовала начать — куда там! Даже пискнуть не сумела.

— Ну же, Гарнет, давай!

велела Руби.

Я сглотнула, открыла рот и изо всех сил постаралась, но получился монолог золотой рыбки.

— Послушайте, сейчас я расскажу, что у нас было на обед, начала Руби.

— Спасибо, дорогая, тебя мы уже слышали! Пусть теперь поговорит твоя сестрёнка.

Давайте не будем про обед и ужин... В котором часу ты отправилась спать, двойняшка номер два?

Я видела, как сверкнула глазами Руби. Знала, что ей хочется, чтобы я рассказала о том, как мы оттягиваем время и не ложимся спать. Беспреданно носимся в туалет... Устраиваем опустошительные рейды на холодильник... Про наши ночные бдения — про многочисленные уловки, лишь бы насолить папе с Розой и не дать им окупиться с головой в тихие радости гражданского брака.

Обхохочешься! Да, но ведь в зале папа...

Кажется, прошла целая вечность. Я заметила, что женщина с короткой стрижкой смотрит на часы, и глупо забормотала:

— Ну, обычно нас просят начать готовиться ко сну в девять, а по выходным — в десять часов вечера, но мы стараемся оттянуть время.

Мой скучный, невыразительный голос превратился в тихий писк. В изнеможении Руби закрыла глаза, а папа опустил голову. Женщина со стрижкой красноречиво переглянулась с коллегами. От меня не укрылось их разочарование. Чтобы оправдать свой писк, я сжалась до мышиных размеров.

— Спасибо, дорогая! Вы свободны, двойняшки! Следующая пара!

скомандовала женщина с короткой стрижкой.

Она уже смотрела мимо нас, улыбаясь новым близнецам.

— Нет, подождите минуточку!

сказала Руби.

Послушайте, сестра неважно себя чувствует. Обычно она по-другому себя ведёт. Клянусь вам, Гарнет умеет выступать и смешить — у неё это прекрасно получается. Разрешите нам показать подготовленную сценку! Дайте нам шанс! Мы истратили все свои сбережения, чтобы сюда приехать, и, когда вернёмся, нас ещё ждут разборки с папой...

— Понимаю, очень жаль, дорогая, но у нас нет времени,

сказала женщина, обняв нас обеих.

И не только из чувства сострадания. Нежной, но твёрдой рукой она выпроводила нас со сцены.

Несмотря на отчаяние, Руби не забывала о камере — ломалась и гримасничала, словно в агонии. Потом вздохнула и помахала зрителям рукой. Я услышала сдержанные смешки.

— Эта девчонка — настоящая находка! Жаль, сестра у неё...

тихо сказал кто-то.

Мне показалось, в ушах раздался ужасный грохот, который никак не прекращался. Я точно оглохла и ничего не слышала, даже когда с нами заговорил папа.

— Ваши дела плохи, вы уж мне поверьте!

свирепо прорычал он.

Кто вам позволил без моего разрешения сбегать из дома?! Я глазам своим не поверил, когда мы проснулись и увидели, что вы обе исчезли. От волнения уже собирался звонить в полицию, но Роза меня убедила, что с вами ничего плохого не случится — скорей всего, вы отправились на идиотское прослушивание.

— Зря мы старались!

воскликнула Руби.

Ты сорвал нам дебют, папа! Пока ты не появился, выступление шло как по маслу, а потом мы сбились....

— Только не ты! Папа не виноват. Он никому не мешал! Спокойно ждал... Я сама провалилась! Им не понравилось, я подслушала... Ты талантливая, а я — бездарь.

— Нет!

заявила Руби.

Они не дали тебе возможности выступить. Это несправедливо!

— Ты ведь не хочешь быть актрисой, Гарнет! — воскликнул папа.

Даже если бы вы обе получили роли, я бы не позволил вам сниматься. Пусть Руби будет кем хочет, когда вырастет. Не желаю, чтобы мои девочки превратились в юных актрис-кривляк! Большое спасибо!

— Никогда мне не быть звездой!

воскликнула я и залилась слезами.

Сказалось пережитое волнение, и им стало меня жаль. Папа ужасно на нас рассердился за то, что мы без спросу удрали в Лондон, но, увидев мои страдания, сменил гнев на милость и даже попытался утешить.

Руби тоже не дулась, а, кажется, могла бы возненавидеть... Почему я онемела?! Ну и подумаешь, что папа в зале! Провалилась! Подвела Руби... Вечно её подвожу!

Она самая старшая... умная... талантливая!

Настоящая находка!

Звезда!

Нечего было со мной связываться!

Не повезло ей с сестрой.

Не повезло.

Не повезло.

Глава десятая

Ч

Гарнет! Опять ты в слёзы!

Послушай, ведь это я должна плакать. Кто мечтает о сцене? На кого больше всех сердится папа? Только и умеет, что на меня нападать! Когда я ответила на его придирки и назвала несносным старым ворчуном, да ещё прибавила, что мы сами можем о себе позаботиться... и что одна поездка в Лондон никому бы не повредила, я думала, он меня ударит.

Он ведь никогда нас раньше не бил, да? Очень даже жаль — могли бы показать синяки в школе, и нас бы отправили в приют.

Что сказано, то сказано. Мочи нет с ними жить!

Эй, давай напишем бабушке и узнаем, не могли бы мы втиснуться в её квартирку. Спали бы валетом на её кушетке. Она нам всё время присылает открытки, в которых пишет, как ей нас не хватает.

Пошли бы в старую школу. Ноги нашей больше не будет в новой, особенно теперь, когда на нас наябедничала Дубина Дебенхэм. Даже если папа возьмёт нас за шкуру и поволочёт туда. Мы с ним не разговариваем, да? И уж конечно, не общаемся с Розой. Кому какое дело, что она за нас заступилась и сказала, что мы любознательные и целеустремлённые, если сами отправились в Лондон. Мы же её не просили за нас заступаться, да?

Гарнет, послушай! Подумаешь — она зовёт нас смотреть телевизор! Не хотим! Кому какое дело, если... Нас показывали по телевизору! Недолго, совсем чуть-чуть, когда я машу рукой на прощание. Крупным планом! Гарнет не попала в кадр — только волосы да локоть. Меня сняли в полный рост, и голос за кадром сказал: "Эта двойняшка, даже когда её не взяли, проявила себя как настоящая актриса".

Очень жаль, что наших имён не назвали. Всё-таки мы попали на экран! Ну, я, во всяком случае, точно попала.

Нас показывали в новостях. Мы пропустили первую часть репортажа, но Роза записала её на видеокассету. Чтобы привлечь внимание к фильму "Близнецы в школе Сент-Клер", та же компания, которая снимает сериал, подготовила целый рекламный ролик о кинопробах. По телевизору показали и других двойняшек с их отрывками. Ну, конечно, им до нас далеко. То есть до меня. В общем, это частное мнение...

На близнецов, которых выбрали на главные роли, без слёз не взглянешь!

Вы бы слышали их интервью: "Ох, ах! Да, да! Потрясающе! Чудо-шоу! Супер-пупер!"

Идиотки пучеглазые!

Может, оно и к лучшему, что нас не выбрали. Ещё заставили бы на протяжении всего фильма нести несусветную чушь! Дети не станут смотреть жалкий сериал! А если и будут, то с единственной целью — похохотать.

Но к фильму, похоже, подготовились всерьёз. Съёмки проходят на территории огромной частной школы во время летних каникул. Показали окрестности. Здание — мечта миллионера! У них есть и бассейн, и школьный зверинец, где девочки держат своих домашних любимцев. Внутри огромного особняка расположилась школа, которую и школой-то не назовёшь... Конечно, не обошлось без скучных классных комнат, но у них есть залы для игр, оснащённые телевизорами, видео, музыкальными центрами и компьютерами.

Наверху вместо обычных спален — уютные помещения со стёгаными ватными одеялами в цветочек, плюшевыми мишками и постерами на стенах. А самое главное — у девочек есть свой театр! Совсем крошечный, но с настоящей сценой, красными бархатными кулисами, освещением, декорациями, костюмами, где они ставят пьесы...

Вот бы нам поучиться в такой школе!

Эй!

Ух ты!

Да!

Нет!

Ах, Гарнет, ты только представь! Вот будет здорово! Ой, ну давай туда съездим! Нам не придётся ничего играть. Станем настоящими близнецами из школы Сент-Клер, Ну, пусть не Сент-Клер, а Марнок-Хайтс. Вот будет весело! Станем, как в книжке, летом играть в разные спортивные игры: хоккей на траве, лакросс и софтбол — и заведём себе по домашнему любимцу...

Давай заведём кроликов! Маленьких, с испуганными мордочками. Карликовых кроликов. Хорошо. Кроликов-близнецов. Хотя я бы с радостью завела песчанок или крыс.

Не люблю крыс и песчанок! Даже мышей не люблю!

Ладно, решено. Кролики так кролики! Будем каждый день с ними играть, потом гонять в софтбол, плавать в бассейне, а по вечерам смотреть видео в гостиной... Когда все пойдут спать, устроим грандиозный полуночный праздник!

Это игра, да?

Нет, всё может быть взаправду. Мы поедем в школу-интернат.

Да, но раз это школа, придётся целыми днями потеть на уроках. Нельзя же постоянно возиться с кроликами и играть в разные игры! Заставят заниматься английским, историей, техническими предметами, хочешь не хочешь, а зубри трудную геометрию и латинский. Ничего страшного! Ты справишься! Видела в фильме их библиотеку? Ну, как тебе их потрясающие книжки, Гарнет?

У нас самих полно книг!

Старых и скучных! Ненавидим наш магазин! И эту школу, и ужасную дыру, в которой прозябаем! Мы обязательно отсюда вырвемся! Уедем в школу-интернат под названием Марнок-Хайтс. Отправим туда письмо и попросим нас принять. Напиши им, Гарнет, у тебя почерк гораздо красивее, а уж я позабочусь о содержании.

Но я не хочу...

Уши вянут от твоих "хочу — не хочу"! Послушай, я собиралась получить роль двойняшки в телевизионном сериале "Близнецы в школе Сент-Клер". Строила планы, ломала голову, как выбраться в Лондон, продала свои сокровища. Великолепно выступила на прослушивании — всех рассмешила, понравилась комиссии... Мы чуть не получили роль, да? Потом ты всё испортила.

Да.

Нечего напускать на себя несчастный вид! Я ведь не специально вредничаю! Просто пытаюсь втолковать, что с твоей стороны будет по-настоящему подло снова отобрать у меня шанс получить то, о чём я всегда мечтала. Ну, что было на втором месте после мечты

стать актрисой... Ты согласна со мной?

Красный магазин

Хай-стрит

Кассоп, 19 мая

Уважаемая Мадам! (Извините, мы не знаем Вашего полного имени!)

Мы двойняшки. Нам десять лет, скоро исполнится одиннадцать. Мы ненавидим нашу деревенскую школу! Просто она нам не подходит — уроки скучные, книг хороших нет...

Кроме футбола, ни во что не играют!

Мы участвовали в конкурсном отборе на главные роли в фильме "Близнецы в школе Сент-Клер" и почти прошли. Ну скажем, одна из нас попала в кадр. В репортаже говорилось и о Вашей школе. Когда мы ее увидели, то подумали: ах, ведь это земной рай — сцена, бассейн, спортивные мероприятия, животные и все прочее...

Пожалуйста, позвольте приехать к Вам в школу в сентябре! Обещаем стать примерными ученицами и не скучать по дому, потому что мы его ненавидим.

Искренне ваши,

Руби Баркер

Гарнет Баркер

P.S. Пожалуйста, скажите «да». Вы не пожалеете! Честное слово!

Посмотрите! Мы получили рекламный буклет!

Марнок-Хайтс

Школа-интернат для девочек

Мы сразу помчались к папе. Думали, он будет в хорошем расположении духа, потому что одна чокнутая старая дева за кругленькую сумму купила у него коллекционное собрание журналов "Ежегодник для девочек". Оттаскивая толстенные фолианты в машину, она бормотала себе под нос: "Хорошее было время! Девочки были девочками. Наиграются в хоккей на траве, сядут у камина и лакомятся кексом..."

Мечтательно вздохнув, она заметила нас с Гарнет.

— А сегодня что — дискотеки да гамбургеры из «Макдоналдса»? Вы ведь об этом мечтаете, да, девочки?

— Ах, нет! — быстро нашлась я. — Мы с Гарнет любим играть в хоккей и обожаем кекс.

— Умницы! — воскликнула старая дева и, пошатываясь, вынесла из нашего магазина последние тома ежегодников.

— О чём это вы? — удивлённо спросил папа.

Видно было, что наш разговор ему понравился. Обычно мы приводим его в ярость, потому что грубим покупателям. Я посмотрела на Гарнет. Сестра взглянула на меня. Я набрала в лёгкие побольше воздуха:

— Мы не шутим, папа. Мы прочитали все книги о школе Сент-Клер. Ну, помнишь, когда хотели получить главные роли в телевизионном сериале? Нам очень понравилось, поэтому мы с Гарнет хотим учиться в школе-интернате.

Папа рассмеялся, не приняв мои слова всерьёз.

— В жизни всё по-другому, не так, как в книжках. По-моему, ни одной из вас не понравится в школе закрытого типа. Придётся много работать и слушаться взрослых. Бедная мисс

Дебенхэм говорит, что вы плохо учитесь и никто вам не указ.

— Это потому, что она глупая училка из дурацкой школы. Окажись мы в знаменитой, образцово-показательной школе Марнок-Хайтс, никому бы и в голову не пришло нас ругать.

— Где-где?

— Ну, в школе, которую выбрали для съёмок фильма "Близнецы в школе Сент-Клер". Это школа-интернат для девочек. Мы с Гарнет написали письмо директору, попросили разрешения к ним приехать, и она выслала нам рекламный буклет. Сейчас увидишь! Я сбегала за буклетом и сунула его папе под нос.

— О господи, девочки, когда вы наконец прекратите строить козни у меня за спиной? — простонал папа.

— Скажи, что нам можно туда поехать! Ну пожалуйста, папа! Можешь посмотреть картинки. Красиво, да?

— Лучше не бывает! — пробормотал папа, небрежно пролистав буклет.

Потом взгляд его задержался на последней странице, где в маленький кармашек были вложены две квитанции.

— И доступная плата за обучение! Двенадцать тысяч фунтов в год. За каждую ученицу! Да, отличная школа, Руби, ничего не скажешь!

Я изумлённо на него уставилась и выхватила листок с ценами. Он был сплошь испещрён цифрами. Плата за обучение... Я и не представляла, что за некоторые школы нужно платить. За Марнок-Хайтс требовалось выложить кругленькую сумму.

— Ах, нет! — завывала я.

— Ах, нет! — подхватила Гарнет.

Что-то у тебя получилось не слишком жалобно! А, Гарнет?

Ну...

Нужно учиться позитивно мыслить. Ещё не всё потеряно! Может, папе не придётся платить всю сумму. Откуда ему взять средства? Мы слишком бедны. Но... но... но... В кармашке буклета, кроме квитанций с ценами за обучение, было вложено письмо.

Марнок-Хайтс

Горселеа

Суссекс, 22 мая

Дорогие Руби и Гарнет!

Прелестные имена! Вы написали чудесное письмо. Мне приятно, что вы хотите посетить Марнок-Хайтс. Высылаю вам информацию о нашей школе. Покажите её родителям или наставникам.

Хотела бы довести до вашего сведения, что ежегодно мы выделяем несколько именных стипендий. В этом году стипендии на осенний семестр уже вручены, однако одна из соискательниц не сможет ею воспользоваться, так как уезжает за границу. Не хотите ли вы приехать в школу и попробовать сдать вступительный экзамен? Мы посмотрим, насколько глубоки ваши знания, и попытаемся определить, соответствуют ли они нашим требованиям. Пожалуйста, позвоните моему секретарю и договоритесь о встрече.

С наилучшими пожеланиями.

Искренне ваша,
Мисс Джеффриз,
директор (Теперь вы знаете, как меня зовут!)

Глава одиннадцатая

П

Ты приставала.

Не умолкала ни на секунду, и он пошёл на попятный.

Роза помогла. Сказала, мы должны обязательно попробовать, и добавила, что жалеет, что ей не удалось получить нормального образования.

— Уникальный случай! Школа очень знаменитая. Если одной из них дадут стипендию, то потом можно пойти учиться дальше, добиться заветной цели...

Просто ей не терпится от нас избавиться. Мы её доводим!

Иногда ты меня доводишь до полуобморочного состояния, Руби. Как прицепишься к человеку...

Или к какой-нибудь идее. Итак, мы едем в Марнок-Хайтс!

Мы едем на экзамен, вот и всё. И я не понимаю, на что ты надеешься — нас двое, а стипендия одна.

Попытаемся выбить две. Как только мисс Джефффриз с нами познакомится... Мы ей уже понравились. Судя по письму, она к нам благоволит. Мы очаровательны. Я прелестная мисс Руби, а ты неподражаемая мисс Гарнет, да? Ну, хватит волноваться, Гарнет! Мы выиграли. Будет, как мы захотим!

Как ты захочешь. А меня волнует экзамен. Она не сказала, что мы должны делать. Если это интервью, я опять провалюсь — стушуюсь, как на прослушивании.

Всё будет нормально. Говорить стану я. Положись на меня!

Итак, я доверила Руби вести беседу. Нас проводили в кабинет мисс Джефффриз. Мы пожали друг другу руки, поулыбались, и нас угостили чаем с печеньем. Пока мы потягивали чай, мисс Джефффриз задавала вопросы.

Между прочим, трудные. Например:

"Почему вы считаете, что девочки должны получить образование?"

"Чего бы вы хотели добиться в будущем?"

"Чем вы любите заниматься в свободное время?" и даже

"Какие ощущения вы испытываете, будучи двойняшками?"

У меня совесть не на месте. Мне стыдно перед Руби — я снова её подвела. Не знала, что говорить. Просто цеплялась за окончания её фраз. Сестра была великолепна!

Сказать «великолепна» — значит ничего не сказать. Я почувствовала, что надо держать ухо востро. О сокровенных мыслях помалкивала. Рассчитывала, что мои ответы впечатлят мисс Джефффриз и помогут убедить её в том, что ещё не родились ученицы лучше нас. Мне плевать на образование, но я выпалила фразы, которые недавно услышала от крысы Розы.

Произнесла с задумчивым видом, что мы мечтаем о сцене и нам пора изучать Шекспира.

Если останемся в Кассопе, то начнём его проходить только в старших классах. Потом сказала, что в свободное время мы любим разыгрывать сценки и много читать. Пришлось перечислить любимые книжки Гарнет и некоторые произведения Диккенса и Харди, которых обожают папа. По-моему, мисс Джефффриз прониклась к нам уважением. Она задала несколько вопросов по содержанию, и я наплела, что сумела, но, по-видимому, она и это проглотила. Когда мисс Джефффриз спросила, нравится ли нам быть двойняшками, я

ответила, что мы единое целое — просто в два раза лучше других.

Она засмеялась и сказала, что довольна моим отличным ответом.

Я продолжала заливать — раз мы едины, значит, важно, чтобы мы никогда не расставались, потому что мы всегда и все делили поровну. Может быть, нам позволят поделить стипендию?

Папа заёрзал, а мисс Джеффрис ещё больше развеселилась. Потом она провела экскурсию по школе и показала места, где ученицы отдыхают и развлекаются. Надо признаться, мы были ошеломлены увиденным.

Девчонки там тоже ничего. Одна стала воображать, но я показала ей язык, и она ответила тем же, и мы улыбнулись друг другу. У неё были рыжие волосы и злые глазки. По-моему, мы подружимся, когда станем учиться в Марнок-Хайтс.

Если станем.

Послушай, сколько раз тебе повторять? Мы обязательно будем там учиться! Ну да, нам пришлось писать в библиотеке скучное сочинение — признаться, я занервничала, потому что другая учительница велела рассестись по разным концам комнаты. Нас лишили возможности работать вместе, как всегда. Это несправедливо! Потом, когда я поймала твой взгляд и мы установили контакт, некрасиво было со стороны учительницы заставлять меня смотреть в другую сторону. Они не понимают, не собирались мы списывать! Просто мы всегда так работаем. Особенно когда дело касается арифметики и других трудных предметов. Тема сочинения оказалось ужасно скучной — "Снег зимой". Ты что написала, а? Ты разозлишься.

Да нет! Так что же ты написала???

Я просто представила себе гору, сплошь покрытую снегом, и описала эту картину. Как странно, наверное, чувствуют себя овцы! Ещё недавно они щипали зелёную травку, а теперь им приходится заглатывать колкий снег, от которого стынут зубы.

Написала, что снежный покров часто сравнивают с одеялом, однако если им накрыться, то есть если тебя занесёт, можно погибнуть... Вспомнила, как однажды, когда мы лепили в парке ангелов, я легла на снег и замерла, чтобы представить, что значит замёрзнуть по-настоящему.

Снег всегда чистый и искристый, но, когда по нему ходят и он превращается в серую массу с жёлтыми разводами, нет ничего грязнее. Написала, что не могу понять, почему снег недолго остаётся белым и пушистым, хоть всякий раз надеешься: найдётся способ, чтобы сбересть его красоту.

Фу, фу, фу! Была охота сочинять такую чушь?! Я нацарапала несколько строчек о малиновках и сосульках и о том, как снег хрустит под ногами (в духе стихотворных строчек на рождественских открытках). Вот чего они ждут, идиотка, а не твоих глупых разглагольствований!

Прости, Руби.

Между прочим, есть за что.

Руби, а что, если тебя примут в школу, а меня нет?

Мы обе получим стипендию.

А если нет? Ты бы поехала в Марнок-Хайтс без меня?

Сколько раз тебе повторять: мы поедem вместе.

Да, а я всё спрашиваю и спрашиваю... Если примут одну тебя, ты поедешь?

Нет. Да. Не знаю.

А по-моему, надо ехать. Хотя без тебя жизнь покажется невыносимой. В то же время я больше не могу мириться с мыслью, что именно я не даю тебе идти вперед.

Никому нас не удержать! Мы рванем вперед! В Марнок-Хайтс!

Марнок-Хайтс

Горселеа

Суссекс, 29 мая

Уважаемый мистер Баркер!

Я получила колоссальное удовольствие от знакомства с Вами и Вашими очаровательными дочками.

Руби чудная девочка, энергичная и сильная. Неудивительно, что она хочет стать актрисой. Уверена, что однажды её мечта исполнится. К сожалению, мы не можем предложить ей стипендию в Марнок-Хайтс. Безусловно, она остроумная и способная, прекрасно владеет речью, хотя часто увлекается и говорит не на тему и даже не прочь присочинить, если не знает, что сказать. Её сочинение написано довольно живо, но сумбурно. Она не выдержала несколько наших тестов. Если бы она больше занималась, результаты не заставили бы себя ждать. Мне кажется, её сестра всегда делала за неё уроки, и Руби не удавалось реализовать свой творческий потенциал.

Гарнет тоже пойдёт на пользу разлука с сестрой. Она разрешает Руби говорить вместо себя, поэтому результаты интервью слабоваты. Хотя письменные тесты подтвердили её неординарные способности. Конечно, у Гарнет есть пробелы в учёбе, но в целом она справилась с работой очень хорошо и написала замечательное сочинение, продемонстрировавшее её зрелость и тонкость мировосприятия.

Мы бы хотели предложить ей полную стипендию на обучение в Марнок-Хайтс, начиная со следующего осеннего семестра.

С наилучшими пожеланиями.

Искренне Ваша,

Мисс Джеффрис

директор

Глава двенадцатая

М

ы не могли в это поверить и думали, что мисс Джеффри нас перепутала.

— Она пишет обо мне,
сказала Руби.

Ну конечно, обо мне!

— Да, не может быть, чтобы меня выбрали. Наверное, Руби выиграла стипендию.

— Нет,
сказал папа.

Определённо говорится о Гарнет.

— Дайте мне взглянуть!
велела Роза.

Папа не хотел, чтобы мы с Руби читали письмо.

— Оно адресовано мне. В нём чёрным по белому написано, что директриса имеет в виду.
Ошибки быть не может.

— Она перепутала имена. Так часто бывает,
настаивала Руби.

— Но не на этот раз,
вмешалась Роза.

— Послушай, несправедливо, что ты разрешил Розе прочитать письмо, когда её это не
касается. Она нам не мать,
возмутилась Руби.

— Нет, но я ваш отец и не хочу, чтобы ты задиралась, Руби. Надо всё спокойно обсудить.

— Сначала покажи мне письмо!

— Я бы показала письмо обеим девочкам,
сказала Роза.

Они не маленькие и имеют право знать, что в нём написано.

Папе пришлось дать нам его почитать.

Как гром среди ясного неба.

Не для меня, для Руби.

Я читаю быстрее. Дочитав письмо до конца, я стала следить за выражением её лица, но
ничего не сумела понять.

— Она чушь написала,
пролепетала я.

Она всего один раз нас видела и думает, что хорошо знает. Ведь она не может ни о чём
судить, да, Руби?

Руби сильно покраснела и закатила глаза. Похоже, она с трудом сдерживала слёзы. Но
сестра никогда не плачет.

— Руби,
сказала я, обняв её за плечи.

Она вывернулась, точно вместо моей руки к ней на плечи заползла змея.

Ах, Руби!

воскликнула я и залилась слезами.

Послушай, я не поеду в Марнок-Хайтс! Я тебе сразу сказала. Это ты решила ехать, а не я. Я только усугубила ситуацию.

— По-моему, тебе нужно ехать,
сказала Роза.

Ты показала великолепный результат, и мы все должны тебя поздравить. Я понимаю, что Руби сейчас тяжело, но...

— Ничего вы не понимаете!
закричала я.

Я не смогла этого перенести. Почему они все поддерживают меня?! Я на стороне Руби!

— Эй, что за наглый тон!
возмутился папа.

Роза, дорогая, не могла бы ты сварить нам по чашке какао? Давайте поговорим спокойно. Это письмо потрясло нас всех. Руби! Дочка, куда ты пошла?

— Не о чем нам разговаривать!
сказала, как отрезала, Руби.

У неё в голосе были слёзы. Она изо всех сил пыталась говорить равнодушным тоном, но казалось, у неё перехватило дыхание.

— Гарнет получила стипендию, а я нет. Вот и всё.

— Я никуда не поеду, Руби! Пожалуйста, поверь мне! Обещаю, что никуда не поеду! Мне там нечего делать. Особенно без тебя!

— Тогда почему ты постаралась хорошо выполнить все тесты и написала дурацкое сочинение?!

возмущённо спросила Руби.

— Не знаю. Просто не подумала! Ах, Руби, прости!

Я попыталась снова её обнять, но она мне не позволила.

— Отстань от меня!

увернувшись, сказала она.

— Ну, это уже переходит все границы!

воскликнул папа.

Руби, возьми себя в руки! Мне за тебя стыдно. Понимаю, ты разочарована, но зачем мучить бедняжку Гарнет? Пора тебе повзрослеть. Неужели ты не можешь найти в себе силы, чтобы её поздравить? На прослушивании она вела себя совершенно по-другому. Гордилась твоими успехами!

Папа только подлил масла в огонь. Я увидела глаза Руби, когда она от меня увернулась. Они были полны слёз.

— Ах, поздравим умницу Гарнет!

насмешливо произнесла Руби и выскочила из комнаты.

Я попыталась её догнать, но меня остановил папа.

— Не надо, Гарнет! Пусть она побудет одна. Ей сейчас не до тебя, тем более когда она плачет,

сказал он.

Может быть, он нас всё-таки чуть-чуть понимает?

— А тебе, родная, плакать не стоит. Роза права. Ты прекрасно выдержала испытание, и я тобой горжусь.

— Никуда не поеду!

зарыдала я.

— Ну, я не могу тебя заставить. Не от меня исходила идея о школе-интернате. Но сейчас я думаю, что нельзя упускать уникальный шанс.

— Послушай,

сказала Роза, раздавая чашки с какао,

тебе нужно попробовать, Гарнет!

— Я не могу покинуть Руби!

— Но она бы без тебя уехала!

воскликнула Роза.

— Потому что Руби — это Руби!

Но так не должно быть,

ответил папа и посадил меня к себе на колени.

Письмо заставило меня задуматься над тем, что, может быть, вам с Руби нужно пожить порознь. Вы мешаете друг другу и не даёте проявить себя. Сейчас вы растете, и нужно помочь вам выбрать свой путь.

— Но мы не просто сестры. Мы близнецы и не можем обойтись друг без друга!

— Когда-нибудь придётся учиться,

сказал папа.

Вы обе вырастаете, найдёте разную работу, у вас будут семьи и свой стиль жизни.

— Нет, мы будем всегда вместе,

сказала я.

Мы уже давно всё продумали.

Вместе были маленькими.

И не расстанемся, когда повзрослеем.

И когда состаримся.

И если соберёмся замуж, выйдем за близнецов.

У нас родятся двойняшки.

И когда они вырастут, то тоже будут держаться друг за друга, и, может быть, у них появятся близнецы, и потом...

От всех двойняшек у меня голова пошла кругом. Мне хотелось к своей сестре. Я слышала, как она рыдает в нашей комнате.

Не знаю, что делать. Мне ещё хуже, чем было, когда Руби не хотела со мной разговаривать. Нельзя сказать, что она вообще со мной не общается. В присутствии других Руби мне отвечает, а когда мы остаёмся наедине, почти ничего не говорит. Не хочет играть ни в одну из наших игр, не подбивает на проказы, когда мы фокусничаем и делаем всё одновременно...

Кажется, ей надоело быть двойняшкой.

Не хочет одеваться, как я. Ждёт, пока я соберусь, а потом надевает что-то совсем другое. У неё новая причёска.

Я попробовала причесаться так же, как она, но Руби снова поменяла причёску.

Ну, и я последовала её примеру. Потом она совершила нечто ужасное. Взяла ножницы... мне показалось, она придуривается... вдруг я поняла, что сестра не шутит.

— Не надо!

взмолилась я.

Но она всё равно остриглась.

— Ах, Руби! Ну что ты наделала?!

воскликнула я, глядя на её бедную голову, в один миг ставшую похожей на швабру.

— Меняю образ,

ответила она, проведя рукой по кустикам волос. Потом усмехнулась и добавила: — Тебе незачем стричься! А мне нравится моя стрижка. Всю жизнь о такой мечтала. Я похожа на панка. Здорово!

Я не знала, как быть. У нас всегда, с самого детства, были длинные волосы. Когда бабушка заставляла нас заплетать косички, я всегда причёсывала Руби. Порой я забывала, где чья голова, особенно когда сильно хотелось спать.

Я уставилась на Руби, и мне показалось, что меня обкорнали, хотя ощущала на плечах вес собственных кос. Вдруг мною овладело странное чувство, как будто смотришь фильм, в котором голос за кадром не поспевает за артикуляцией актёра — ты слышишь чьи-то слова и видишь, как артист невпопад шевелит губами.

Руби не отрастить косы. Оставалось лишь одно средство.

— Не смей!

закричала Руби, когда я занесла над головой ножницы. Она выхватила их у меня из рук.

Предупреждаю тебя, Гарнет! Только попробуй остричься! Я тебе голову оторву!

неё был ужасно свирепый вид, и я ей поверила.

Кажется, в ту минуту она меня ненавидела.

Взяв газету, Руби начала вырезать бумажных кукол-двойняшек. Потом, чтобы разделить их, щёлкнула ножницами там, где у них были руки, и оттяпала их до предплечья.

Это опять я. Руби больше не хочет писать в нашем дневнике, и мне тоже много писать не хочется. Как я могу отчитываться о нашей жизни, если двойняшек больше не существует?!

Если бы только можно было вырвать все страницы о школе и стипендии! Стереть их, как будто ничего и не было!

Руби ведёт себя так, словно хочет вычеркнуть меня из своей жизни. Наступили каникулы, но она со мной никуда не ходит. Отправляется куда-нибудь сама по себе, а если я плетусь следом, убегает. Она всегда быстрее бегала. И прячется она лучше. Не знаю, куда она уходит и с кем дружит. Я ей больше не нужна.

Ночью, уже лёжа в кровати, я её спросила, простит ли она меня, если я напишу письмо мисс Джефффриз в Марнок-Хайтс и откажусь от стипендии.

Я ждала.

В комнате было темно, и я видела, что за мной наблюдают её открытые глаза. Она тоже ждала.

Потом она произнесла в темноте:

— Мне всё равно, поедешь ты туда или нет, Гарнет. Делай как знаешь. А я буду делать что хочу. Мы больше не одно целое. К прошлому нет возврата. Даже если останемся вместе, мы теперь чужие.

Но мне это не нравится. Я не знаю, что мне нравится.

Не хочу ехать в Марнок-Хайтс! Хотя дома прочитала почти все книги. Не о близнецах. Мне становится плохо, когда я их вижу. Нет, у нас в магазине есть целая полка повестей о девочках, которые едут в школы Эббиз, Шале и Тауэрз. Одну книжку я читаю утром, вторую — днём, третью — вечером, и иногда, только иногда, мне становится интересно.

Джуди мне завидует. Она приходит к нам в магазин. Я ходила к ней в гости. У неё полно разных музыкальных записей и видео. Нужно просто сидеть, смотреть и слушать. Или мы идём в её комнату, чтобы поиграть. Но это не наши с Руби игры, а настольные. Мне становится скучно в них играть. Джуди нормальная, но с ней тоже скучновато.

Она говорит, что видела Руби с Джереми Тредгоулдом и его бандой.

Руби и Бугай?! Я спросила Руби, но она только почесала кончик носа, мол, не суйся в чужие дела.

Руби больше не хочет посвящать меня в свои.

Она изменилась.

Изменила себе внешность.

Может быть, никто больше не примет нас за двойняшек. Бабушка ужасно разозлилась, когда приехала навестить нас на выходные. Её привёз старик Альберт, сосед по дому, где она теперь живёт. Он тоже у нас остался, и нам пришлось потесниться. Бабушка велела нам называть его дядей Альбертом, хотя он нам никакой не дядя.

Я посмотрела на Руби. Руби взглянула на меня. И на секунду мне показалось, что вернулись прежние дни.

Но прошлого не вернёшь — мы переменились, и Руби больше всех.

— Что ты с собой сотворила, Руби?!

потребовала ответа бабушка.

На кого ты похожа? У тебя неряшливый вид. Как беспризорник! Вы только посмотрите на её волосы! О боже, у тебя что, появились вши?

— Оставь меня в покое, бабушка,

сказала Руби, криво ухмыльнувшись.

— Как же вы могли разрешить ей бегать повсюду, как оборванке?

спросила бабушка Розу.

К бабушкиному приезду Роза попробовала привести Руби в порядок. Она выстирала и погладила её лучшую одежду и умоляла Руби позволить хоть чуть-чуть пригладить ей волосы. Руби отказалась. Она нарядилась во всё грязное и специально вытащила из мусорного бачка старые кроссовки, хотя Роза, ради бабушки, купила ей новые.

Роза промолчала.

Руби нравится одеваться и причёсываться, как она считает нужным. И нам кажется, ей идёт стрижка, да, Рики?

— Конечно,

ответил папа и обнял Розу.

— Ну, хоть Гарнет нормально выглядит, проворчала бабушка.

Что это я слышу, будто ты сидишь на чемоданах и собираешься уехать в школу-интернат, Гарнет? Я не одобряю этой затеи. В чём дело? Они что, хотят от тебя избавиться?

— Никто не собирается от неё избавляться!

возмутился папа.

Нам просто показалось, что девочке нужно дать шанс. Пусть попробует хоть один семестр, раз уж она выиграла стипендию. Но если ей там не понравится, она всегда сможет вернуться домой.

Но, как я у же говорила, я до сих пор не знаю, чего хочу. Во сне меня преследуют кошмары.

И днём тоже не лучше, потому что Руби мне теперь чужая и больше не сестра. Я надеялась, что смогу посеCRETничать с бабушкой и спросить, нельзя ли мне уехать на какое-то время к ней. Но я забыла, какой она бывает сердитой и ворчливой. А тут ещё Альберт, который никакой нам не дядя! Он нам не родственник, но кажется, у них с бабушкой своя семья.

Есть папа с Розой. Иногда они ссорятся, но быстро мирятся. Однажды, когда Роза хотела приготовить вкусный воскресный обед, говядина подгорела, клёцки не поднялись, картошка не поджарилась, бобы как следует не разварились, а в соусе было полно комочков, папа не только съел свою порцию до последней крошки и похвалил её стряпню, но и попросил добавки.

У них тоже своя семья.

Я часть их семьи. И бабушкиной семьи. Когда-то у меня была мама, и у нас была совершенно замечательная семья, но, даже когда мамы не стало, у меня всегда была Руби. Руби и Гарнет.

А теперь Руби сама по себе. И Гарнет одна на свете.

Руби?

Руби.

Ах, Руби!

Глава тринадцатая

МЕМОРАНДУМ

Э

Не собиралась я туда ехать! Во всяком случае, сейчас не хочу! Здесь гораздо интересней. Держу пари, у Гарнет кишка тонка отправиться в школу без меня.

А если сестра туда поедет, то ужасно заскучает и прольёт море слёз — вёдер не хватит, и Гарнет пришлют обратно, как плаксу-ваксу. Ей без меня не прожить! Она сама это знает.

А мне без неё живётся лучше некуда!

Это мой блокнот. Буду сюда всё записывать. На обложке написано Меморандум, мне нравятся две первые буквы МЕ. Если вставить между ними Н, получится, что речь пойдёт обо МНЕ МНЕ.

Весь блокнот будет посвящён МНЕ ОДНОЙ.

И МНЕ нравится быть самой собой.

МНЕ нравится быть одной. Кажется, я об этом уже писала. Ничего. Лучше сказать дважды, получится в два раза достоверней. Я чувствую себя ПРЕВОСХОДНО.

Я знаю, что значит слово «меморандум». Я очень даже умная, хотя некоторые считают меня тупицей. «Меморандум» означает запись на память, чтобы не забыть. И я хочу официально заявить следующее:

1. Мне, Руби Баркер, начхать на то, что мне не дали стипендию.
2. Руби Баркер плевать, что её подлая сестра поедет учиться вместо неё.
3. Руби Баркер презирает свою подлую сестру.

в полном отчаянии

Фу! Так вот. На чём я остановилась?

Ах да, Гарнет ужасно расстроена, потому что я расторгла наш союз двойняшек. Я ей нужна. Она, может, думает, что теперь она самая умная, но Гарнет ошибается! Без меня она места себе не находит. А мне хорошо! Мне она не нужна. Ну нисколько!

Ну, может быть, мне бы пригодилась её рука, чтобы делать записи, когда мне всё наскучит. Иногда мне и вправду скучновато. Я ухожу гулять, потому что не хочу сидеть в старом вонючем магазине, но в нашей дыре не разгуляешься. Поэтому слоняюсь без дела.

Мне не нужна Гарнет, чтобы выдумывать игры. Сама их выдумую! Чаще всего я представляю себя отважным следопытом, продирающимся сквозь джунгли, которые кишмя кишат ядовитыми змеями, огромными волосатыми пауками

свирепыми тиграми

и мне приходится переходить реку вброд

и цепляться за горные вершины

Как только вдалеке завидю врагов, нужно спрятаться, потому что, несмотря на сверхчеловеческие качества и смекалку, мне не справиться с их полчищами.

Хочу устроить Бугаю засаду, когда встречу с ним один на один.

Отважный следопыт иногда целыми днями голодает. Ему приходится осуществлять набеги на вражескую территорию, но часто приходится довольствоваться подножным кормом или тем, что растёт на деревьях.

Отважный следопыт даже подумывал об охоте,
но решил остаться вегетарианцем, хоть и не очень любит овощи. Брюссельская капуста...
Фу! Обычная капуста... Фу! Цветная капуста... «Фу» в квадрате!

Если на блокноте написано МЕМОРАНДУМ, значит, это только обо МНЕ и можно
записывать туда разные ДУМы. МНЕ и без вас ясно, что значит слово «меморандум», мисс
Джефффриз. Записывай о себе что хочешь и когда хочешь. Ты не ограничен никакими
рамками. Поэтому пишу, что хочу.

Я Руби Баркер, блистательная актриса, и если бы моя бывшая сестра-двойняшка всё не
испортила, то этим летом я бы получила главную роль в телевизионном сериале.

Я попыталась позвонить телевизионщикам, сказав, что готова сыграть любую
эпизодическую роль. Они меня поблагодарили и обещали связаться. Но слова своего не
сдержали. Я снова позвонила, и на этот раз они уже не стали церемониться и ответили, что,
к сожалению, все роли распределены, поэтому они просят оставить их в покое. Если я
действительно хочу стать актрисой, почему бы мне не обратиться к агенту и не поступить в
хорошую театральную школу?

Ну, и как мне пойти в хорошую театральную школу, если мой отвратительный отец меня
туда ни за что не отправит, хотя посылает мою сестру учиться в самую шикарную школу
страны?!

Положим, ему не надо платить за обучение. Так ведь у неё форма стоит целое состояние!
Вы бы посмотрели на эту форму! Сказать "ужасная и старомодная" — значит, ничего не
сказать. Меня под страхом смерти не заставишь её на себя напялить. Гарнет похожа на
пугало огородное!

Ну, скажем, папе не надо платить из своего кармана. Роза помогла Гарнет продать свою
фарфоровую куклу на аукционе, жалкую малышку, такую же, как у меня. Я продала свою на
блошином рынке и получила 30 фунтов.

Мне очень горько писать об этом — кукла Гарнет ушла за 900 фунтов. Да. За мою дали бы
столько же. Куклу произвели на какой-то фирме во Франции, которая пользуется спросом у
чокнутых коллекционеров, готовых выложить за неё кругленькую сумму. За эти деньги не то
что куклу — живого ребёнка можно купить!

Роза пришла в ярость, когда узнала, что рыночные торговцы дали за мою только 30 фунтов.
Не на меня рассердилась — на них! Она отправилась с ними разбираться, нашла их и
закатила скандал, но они утверждали, что сделка была честной. Роза сама была в этом
бизнесе и знает, что они не занимаются благотворительностью. С большой неохотой они
всё же вернули 150 фунтов. Сделали благородный жест. Роза не успокоилась и сказала, что
они наварили на этом кучу денег, но я обрадовалась, потому что 150 фунтов теперь мои, и,
хотя зануда папа твердит, что нужно положить их на счёт в банке, Роза сказала, что мне
нужны карманные деньги, потому что у меня тяжёлый период в жизни. И я решила
потратить 75 фунтов на себя, а на оставшиеся 75 приобрести заём и положить на дурацкий
папин счёт.

Мне не надо тратить деньги на ужасную, глупую школьную форму. И специальные
чемоданы, хоккейные клюшки и уродливые, грубые туфли фирмы "Кларкс".

Их можно потратить на компьютерные игры

или

или

или

или

или

или

Странно. Раньше у меня никогда не было собственных денег, которые я могла потратить на себя одну. Мне всегда приходилось делиться. Поэтому здорово, когда у тебя в два раза больше возможностей.

новой.

Я даже выгляжу по-другому. Каждый раз, глядя в зеркало, испытываю шок. Волосы немного подросли, но законы затылочного притяжения на них не действуют, и они торчат в разные стороны.

Моя причёска побудила неотёсанных местных придурков выступить с комментариями и задаться вопросом, кто же я на самом деле — мальчик или девочка.

Им не пришлось долго ждать — я им показала, где раки зимуют.

А потом огромный и ужасный Бугай открыл свой грязный рот и наградил меня весьма «остроумным» прозвищем.

"ЛЫСАЯ"

Мне, в свою очередь, пришлось одарить прозвищами Бугая и его тупых приятелей.

Прозвища настолько отвратительные и грубые, что пришлось их вымарать!

Ну, парни нащипали травы и, спросив, не хочу ли я зелёный парик, обсыпали меня ею с головы до ног.

Потом я спряталась за кустом, а услышав их шаги, выпрыгнула из укрытия и заорала, что у них в башке один мусор...

и вытряхнула им на головы пакет, полный всякой дряни.

Я вытащила пакет с мусором из контейнера и не посмотрела, что внутри. Оказалось, там было полно вонючих и мерзких объедков — кислое молоко, кофейная гуща, недоеденная китайская еда навынос... В общем, они не на шутку рассвирепели и завопили: "Давайте её заловим!"

Я не успела далеко убежать, и меня поймали. Вымазали остатками протухшей снеди из мусорного пакета... Я здорово работала кулаками и брыкалась... но их было много, а я одна.

И когда мы с Бугаем сцепились в мёртвой хватке, отвратительный мальчишка с зубами, как у хорька, обхватил мне шею рукой и стал душить. Я стукнула его туда, куда бить нельзя, но он продолжал меня душить, надавливая на горло, и я не могла пошевелиться, и Хорёк заорал: "Давай, Джерри! Дай ей хорошенько по роже!"

И я подумала: "Ну вот. Волосы я уже потеряла. А теперь — прощай моя внешность!"

Придётся до скончания века ходить без зубов и со сломанным носом, что, конечно, никак не способствует моей артистической карьере. Я сморщилась и приготовилась к тому, что мне заедут по физиономии, но Бугай замешкался.

— Пусти её, Брайан! Не видишь — она задыхается! — сказал он.

— Тогда стукни её как следует!

— Нечего её держать! И вы все, отойдите! Это несправедливо! Мы с ней сами разберёмся, без вашей помощи!

Хорёк что-то забухтел себе под нос и заворчал, но меня отпустил. Я встала, пошатываясь.

— Ты как? — спросил Бугай.

— Нормально, — прохрипела я.

— Ну ладно. Давай драться, — сказал Бугай.

И он ударил меня кулаком в плечо. Совсем не больно. А я стукнула его в живот, но не сильно. А потом он повалил меня на землю. Но осторожно. И я его стукнула, почти к нему не прикасаясь. Нам уже было неинтересно продолжать жестокую драку. Мы просто проходили её стадии — как будто понарошку.

Хорьку и другим тоже всё надоело. Им хватило впечатлений от содержимого мусорного пакета, и они отправились домой.

Нас оставили вдвоём.

— Признай, что я победил в драке, и мы в расчёте, — сказал Бугай.

— Вот ещё! Ничего ты не победил! — возмутилась я, легонько его стукнув.

— Ладно, ладно. Ну, ничья? — спросил Бугай.

Я немного подумала и кивнула в знак согласия.

— Ладно, но я могла победить! — продолжала настаивать я.

— Ты настоящий боец, хоть и девчонка, — сказал Бугай.

— Ты тоже классно дерёшься, хоть здоровый и жирный.

Кажется, он обиделся.

— Незачем обзывать! Я за тебя заступился! Не дал Брайану свернуть тебе шею.

— Ты первый обозвал меня лысой!

— А ты действительно облысела, с тех пор как сделала эту дурацкую стрижку.

— И ты не худенький!

— Ну и видок у нас с тобой! Фу, как противно! — сказал он, вынимая росток бамбука из глаза.

— Можешь повторить это ещё раз, — согласилась я, стряхивая со щёк остатки кофейной гущи.

Мы посмотрели друг на друга и расхохотались. И вот что странно — мы больше не враги, а можно сказать, приятели.

Иногда в их компании я брожу по деревне, хотя не выношу Хорька. Бугаю он тоже не очень нравится.

Одним словом, мы начали вместе гулять. Мы вдвоём.

Он продолжает называть меня Лысой, а я его — Бугаем.

Но это не имеет никакого значения, потому что мы приятели.

Классно, когда у тебя есть друг, который отличается от тебя.

новенькой

новой

новыми

Ну, это папа говорит.

Посмотрим.

Но в новой школе всё же есть что-то хорошее — сцена. Не такая шикарная, конечно, как в Марнок-Хайтс, но тоже с бархатными кулисами и спецосвещением... И кое-какими декорациями... Там устраивают маскарад на Рождество, и летом, к концу учебного года, готовят спектакль. Мне Бугай рассказывал, потому что его сестра участвовала в постановках.

Я тоже постараюсь принять в них участие.

Обязательно.

Ещё прославлюсь!

Я просто счастлива.

А Гарнет нет. Она стала плакать по ночам, потому что боится одна ехать в школу-интернат.

Но дело не только в этом. Она говорит, что больше не может не дружить со мной.

Я слушаю. Иногда у меня начинает пощипывать глаза, но в темноте можно. Она ничего не видит.

Открываю рот, чтобы много-много ей сказать. Но в тишине не получается. Не могу произнести ни слова. Прости.

Не понимаю, с какой радости я должна просить прощения. Гарнет сама виновата, что едет. Нечего было выпендриваться на вступительном экзамене.

Лучше бы на прослушивании постаралась! Тогда бы мы получили роли в фильме "Близнецы в школе Сент-Клер". Снимались бы вместе! Вместе.

Мы всё лето не общались.

Иногда это кажется странным.

Когда она уедет, будет ещё хуже.

Сегодня сестра последний вечер дома.

Роза приготовила курицу с жареной картошкой, любимое блюдо Гарнет, и испекла торт.

Мне она вкусных тортов не пекла.

Гарнет смогла проглотить лишь маленький кусочек.

Потом нам всем пришлось играть в глупые карточные игры, как в мультфильме "Снэп, или Счастливые семьи", притворяясь счастливой семьёй. Казалось, Гарнет вот-вот упадёт в обморок.

Но она не плакала. Даже когда мы пошли спать. По крайней мере, мне так показалось. Я залезла с головой под одеяло, чтобы ничего не слышать. Я почувствовала, что разваливаюсь. Пополам.

Притворялась и притворялась, что ничего особенного не происходит... Когда на следующее утро мы проснулись и Гарнет оделась в дурацкую новую форму, я поняла, что никогда в жизни мы не выглядели такими разными.

Роза пришла в нашу комнату помочь упаковать вещи и подготовиться к отъезду.

Я посмотрела на новую одежду сестры: пижаму, ботинки для игры в хоккей, другие вещи — все моего размера. Но не для меня.

И в первый раз по-настоящему обрадовалась, что мне не надо никуда ехать. Я бы очень испугалась, я знаю. Гарнет сильно разволновалась, и у неё расстроился желудок — ей пришлось несколько раз бегать в туалет. Пока она туда бегала, я схватила её ночную рубашку, которая лежала на подушке, и уткнулась в неё носом, как испуганный ребёнок в своё одеяльце.

Роза склонилась над чемоданом Гарнет, но, обернувшись, увидела меня.

Она ничего не сказала, просто выпрямилась, подошла ко мне и быстро обняла.

Я стала вырываться, но она только крепче прижала меня к себе, и я почувствовала, что отвечаю на её ласку.

А потом я заплакала.

— Ты никогда не плачешь. Ты меня пугаешь, — прошептала Роза.

— Не надо быть со мной доброй! Я была отвратительной! По отношению к Гарнет, — рыдала я.

— Нельзя сказать, что и со мной ты была мила и любезна, — нервно рассмеявшись, ответила Роза, — или с папой. Но ты права. Сейчас надо думать о Гарнет.

Нужно думать о Гарнет.

О моей сестричке-близняшке, о моей лучшей подруге. О моей половинке.

Она вернулась из туалета, и я бросилась к ней и обняла её за шею.

— Ах, Гарнет, прости! Я была настоящей свиньей. Я не хотела, но очень тебе завидовала и по-дурацки себя чувствовала, как будто меня оставили в стороне. Но ты же будешь моей сестрой-близняшкой, да? Даже если уедешь в Марнок-Хайтс?

— Я всегда-всегда буду твоей двойняшкой! — ответила Гарнет.

И мы крепко-крепко обнялись, точно сиамские близнецы, которых не разделить. Только нас разлучат.

— Это я во всём виновата, — рыдала я. — Ах, Гарнет, как сильно я буду по тебе скучать!

— Я тоже буду по тебе скучать, Руби, сильно-пресильно, но папа сказал, что, если мне там совсем не понравится, я могу вернуться домой.

— Ты будешь иногда приезжать домой на выходные и на каникулы. Как же я могла быть такой чокнутой и упустить всё лето?! Ненавижу себя за это! Почему мне надо всегда быть плохой двойняшкой?!

— А почему я всегда должна быть хорошей? — воскликнула Гарнет. — Слушай, может быть, мы меняемся? Во всяком случае, начали... Ты плачешь, а я нет.

— Ты останешься моей лучшей подругой, да? Не будешь задирать нос и смотреть на меня свысока?

— Не говори чепухи! — воскликнула Гарнет.

— А ты будешь мне писать?

— Каждый день, — пообещала Гарнет. — А ты — мне.

— Обещаю!

— Ты не всегда держишь слово!

— На этот раз не подведу! Сама убедишься! Клянусь никогда больше тебя не обижать, Гарнет.

— Лучше бы тебе не клясться! — рассмеялась Гарнет.

Но она немного поплакала, когда пошла с папой к машине. Мы все плакали.

Гарнет забрала с собой бухгалтерскую книгу. Она каждый день будет записывать в неё свои впечатления, а когда вернётся, покажет мне. А я почти закончила свой блокнот.

Нужно купить другой, пообъёмистее, чтобы больше написать.

В субботу посмотрю, нет ли магазина канцелярских товаров в Хайнфорде. Меня туда Роза отвезёт. Она узнала про драмкружок в Хайнфорде. Я туда запишусь.

Я сильно покраснела, когда она мне об этом сказала.

— Спасибо, Роза, — пробормотала я.

Очень тихо, но она услышала.

— Пожалуйста, Руби. Скорей бы поехать в Хайнфорд и пойти в нормальный магазин! Я чудесно проведу время в торговом центре, пока ты будешь занята в драмкружке, а потом мы встретимся и вместе пообедаем, идёт?

— Идёт! — воскликнула я.

Роза не такая плохая, как мне казалось.

Пора всерьёз заняться актёрским мастерством. Нужно готовиться к тому счастливому моменту, когда мне позвонят телевизионщики и пригласят на прослушивание. Потому что, кто знает... Если дурацкий фильм "Близнецы в школе Сент-Клер" будет пользоваться успехом, может, они захотят экранизировать другую книгу Инид Блайтон и снимут фильм по одному из её знаменитых "Пяти рассказов". Главную роль девчонки-сорванца Джорджины мне сыграть проще простого. У меня и причёска подходит.

Когда папа меня обнимает и треплет по волосам, то называет своей Шваброй. Папу нужно почаще обнимать, особенно теперь, когда он скучает по Гарнет.

Мы все по ней скучаем.

Я больше всех!

С ней всё нормально. Ей даже нравится в новой школе. Я приклею её письмо на первой странице нового блокнота.

Моя любимая Руби!

Я приехала. В Марнок-Хайтс. Я чувствую себя как девочка из старой школьной повести. Когда папа уехал, я немного поплакала, но ко мне подошла красивая старшеклассница и обняла. Ее зовут Джамилла. Она моя собака-поводырь, но на меня не лает, а просто повсюду водит и показывает, где что находится: аудитории для занятий, спальни, столовая...

На ужин нам дали курицу с жареной картошкой, и Джамилла угостила меня половинкой "Кит-Кат".

Сейчас я пишу в спальне. Со мной еще три девочки. Мы поставили будильники на двенадцать часов ночи, чтобы устроить наш первый пир! Соседку, кровать которой стоит рядом с моей, зовут Люси. Она носит очки. Когда ложится спать, берет с собой плюшевого кролика. У нее есть живой кролик в местном зверинце, и она разрешила мне за ним ухаживать, если пожелаю. Она хочет стать моей лучшей подругой, но я сказала, что ты моя лучшая из лучших подруг. Моя Руби.

Крепко целую.

С огромной-преогромной любовью,

Гарнет

P.S. Я очень по тебе скучаю.

Ах, Гарнет! Я сама по тебе скучаю! Сильно-пресильно!

Всё равно мы будем Руби и Гарнет, даже если ты там, а я здесь.

Мы навсегда останемся Руби и Гарнет

Литературно-художественное издание

ДЛЯ МЛАДШЕГО И СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Перевод с английского И.Шишковой.

Иллюстрации Н.Шэrrата и С.Хип.

Ответственный редактор Т.Н.КУСТОВА

Художественный редактор Ю.А.БЕЛОВА

Технический редактор А.Т.ДОБРЫНИНА

Корректор Л.А.ЛАЗАРЕВА

Издательство "РОСМЭН".

2006

Сканирование, распознавание, вычитка — Глюк Файнридера